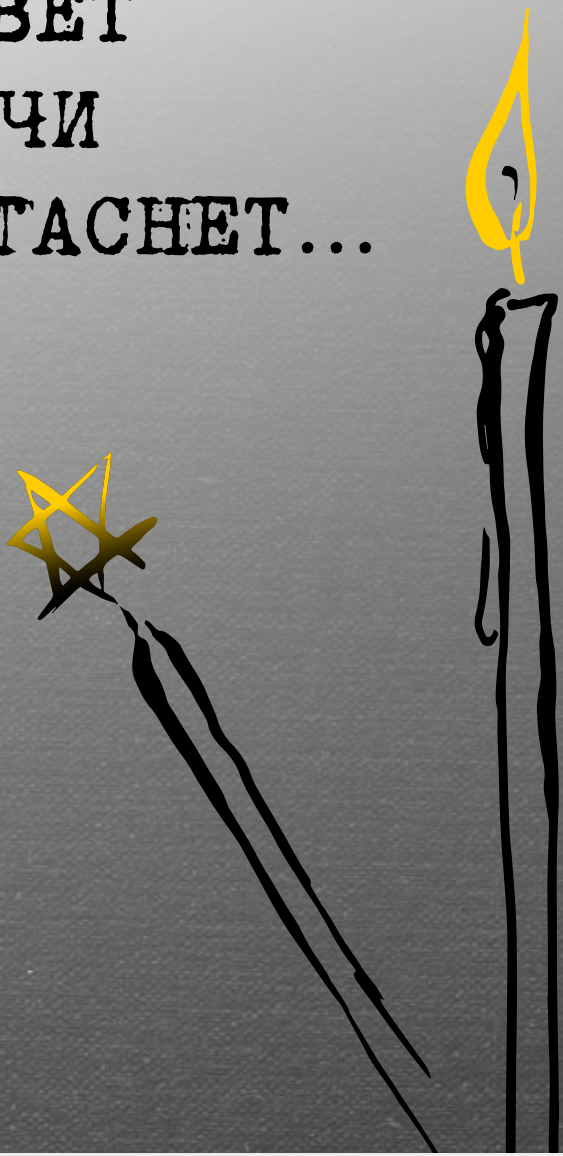
...И СВЕТ СВЕЧИ НЕ ГАСНЕТ...



12 историй белорусских евреев, переживших Холокост

«Ты светильник
мой зажигаешь:
Господь, мой Бог,
мою тьму озарит».
(Псалом 17:28)

...И СВЕТ СВЕЧИ НЕ ГАСНЕТ...

12 историй белорусских евреев,
переживших Холокост

Истории собраны и опубликованы
по инициативе
Стюарта и Шанталь Виноград

Минск
2021

ПОСВЯЩЕНИЕ

Нашим дорогим друзьям, которые смогли выжить во время Холокоста, шести миллионам евреев, а также миллионам других жертв, которые погибли от рук нацистов.

ВСТУПЛЕНИЕ

Этой книгой мы хотим почтить память людей, которые прошли через неописуемое зло и смогли выжить.

Холокост – не просто одна история, это скорее миллионы личных трагедий; это рассказы жертв, которые пережили невообразимые страдания; это жизни героев, которые нашли в себе силы и мужество действовать вопреки крупнейшей в истории человечества системе зловещего массового убийства.

В этой книге вы прочтете двенадцать историй наших дорогих друзей – бывших узников гетто и концлагерей.

События, описанные в этой книге, – это истории не только о невообразимых страданиях и выживании, но также о смелости, надежде и искуплении, которые приходят с Небес от Бога Израиля.

Книга написана и для того, чтобы напомнить, на что способна человеческая жестокость и предостеречь нас от любого проявления равнодушия, когда творится зло.

Стюарт и Шанталь Виноград

БЛАГОДАРНОСТЬ

В то время, пока мы жили рядом и имели возможность больше общаться с нашими друзьями, пострадавшими во время Холокоста, слушали их истории, у нас родилось желание собрать и записать переживания и жизненный опыт хотя бы некоторых из них, чтобы поделиться этим со всем миром. Спустя более десяти лет эта мечта осуществилась благодаря хорошей командной работе.

Мы хотим выразить благодарность Богу Израиля и Мессии Йешуа (Иисусу), который подарил нам эту чудесную привилегию и возможность жить с 1995 по 2007 год в столице Беларуси – Минске и быть близко с бывшими узниками гетто и нацистских концлагерей. Наша дружба и тесное общение продолжаются и по сей день. Йешуа также сделал наши сердца способными принять Его любовь и сострадание к пережившим Холокост. Это было и остается потрясающим духовным путешествием по жизни вместе с нашими дорогими друзьями из числа бывших узников гетто и нацистских концлагерей!

Также выражаем огромную благодарность нашей чудесной команде на земле Беларуси за их сердца, полные сострадания и посвященного служения. Они поддерживали бывших узников неделя за неделей, год за годом. Это Татьяна Гамбург, Анна Верещаг, Дмитрий Селиханов, Виталий Кондрат, Ольга Глушкова, Юлия Клименкова, Роман Зенькович, Владимир Бурый, Нина Сельченок, Тамара Мысова, Вадим и Наталия Войнило, Валентина Святкина,

Светлана Зубарева и многие другие, которые являются волонтерами и отдают себя и свое время, чтобы помогать бескорыстно.

Спасибо Джесси Кори, который взял дополнительные интервью для уточнения деталей некоторых историй.

Благодарим Ивана Зубкова за верстку и дизайн книги, Нину Сельченок, Александру Петрову и Наталию Войнило – за редактуру и корректуру текста.

Все наши дети, Джошуа, Давид, Сара Бабаевская-Виноград и Мириам Виноград помогали нам служить бывшим узникам на протяжении всех этих лет. Мириам Виноград и сейчас продолжает служить в Израиле пережившим Холокост. Мы благодарим Бога за каждого из вас!

Большое спасибо всем, кто все эти годы продолжал воодушевлять нас и поддерживать в молитвах.

Мы очень признательны Феликсу Липскому, Михаилу Канторовичу, Михаилу Трейстеру, Якову Левину, Михаилу Розеншейну, Валерию Мызгаеву и Евгению Андрейчику, которые с 1995 года служили в качестве председателей и вице-председателей Ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Каждый из этих людей, а также другие члены их команды – это мужчины и женщины чести и сострадания. Их труд любви для всех переживших Холокост вдохновляет. Мы очень ценим сотрудничество и общение с каждым из них в течение более 26 лет, приносившие нам удовольствие и радость!

Мы также хотим поблагодарить Фриду Рейзман, Майю Крапину, Владимира Трахтенберга и Иосифа Есилевича. Для нас было честью работать с каждым из вас на благо многим бывшим узникам!

И наконец, особо благодарим переживших Холокост, чьи истории отражены в этой книге: Льва Гуревича, Зою Обоз, Якова Левина , Леву Кравца, Иосифа Есилевича, Ларису Каим, Елену Бугаеву, Александра Мысова, Раису Най-

марк, Анатолия Дикушина, Лидию Петрову и Владимира Свердлова. Этой книги могло бы не быть, если бы эти люди не оказали нам честь рассказать свои истории. Вы все очень дороги для нас!

Многие из них написали свои истории сами, другие поделились ими с членами нашей команды, которые и записали их. Бывшие узники внимательно просмотрели каждую деталь окончательного текста своих историй жизни. Их способность вспоминать подробности своего тяжелого опыта выживания во время Холокоста просто невероятна. И они очень переживали о том, чтобы каждая деталь была передана верно. После перепроверки версий своих историй, которые мы записали, они позволили их напечатать.

Мы также благодарны сотням других людей, переживших Холокост, общение с которыми обогатило наши жизни! Мы гордимся тем, что можем называться вашими друзьями!

Стюарт и Шанталь Виноград

ПРОЛОГ

Наша история началась в маленьком доме в Минске в 1995 году, когда небольшая группа людей собралась за столом, освещенным мягким светом шаббатних свечей.

Шаббат – это святой день покоя, который соблюдается еврейским народом на протяжении тысячелетий. Эта картина так знакома в еврейских домах по всему миру. Каждую пятницу, когда садится солнце, зажигаются свечи. Молитвы и песни на иврите создают праздничную атмосферу, которую дополняет аромат свежеиспечённой халы, традиционного еврейского хлеба. Традиция Шаббата – это невероятно древнее религиозное действо, идущее корнями к дарованию Торы Моисею и народу Израиля у подножия горы Синай.

И хотя картина того, как евреи собираются, чтобы встречать Шаббат, повторялась бесконечное число раз на протяжении тысяч лет, этот шаббатний ужин имел особое значение для тех, кто на нем присутствовал. Для нас как хозяев это был первый Шаббат из многих, которые праздновала наша семья (Стюарта и Шанталь Виноград) в своем новом доме. Мы и наши четверо детей совсем недавно оставили дом в северной части штата Нью-Йорк, чтобы переехать в Беларусь, которая четыре года назад обрела независимость после развала Советского Союза. В то время нация была в поиске обновления и восстановления после десятилетий коммунистического правления.

Для нас это было восстановление другого рода, которое и привлекло в этот уголок бывшего Советского Союза. Мы хотели участвовать в духовном обновлении страны и особенно в том, что касалось еврейского народа. Побуждаемые реальностью того, что Мессия Израиля – Йешуа, преобразил наши жизни, мы приехали с желанием делиться Его любовью, добротой и истиной Священного Писания (Библии) с народом, который был сломлен и находился в хаосе. Экономика Беларуси была разрушена в результате развала СССР, и этот развал стал причиной дефицита продуктов питания в стране. Видя эту ситуацию, мы надеялись, что сможем восполнить как физические, так и духовные нужды людей. Однако, как мы узнали, Беларусь переживала и гораздо худшие времена.

Во время Второй мировой войны (или Великой Отечественной войны, как ее называют в этой части света) самое её начало – блицкриг – вторжение в СССР фашистов проходило как раз через поля, леса и города Беларуси. При последующей фашистской зверской оккупации в Беларуси, по оценкам историков, погиб каждый третий житель Беларуси. Каждый гражданин Беларуси прочувствовал на себе последствия этого вторжения. Но для евреев приход нацистов означал, что вскоре им предстояло стать жертвами величайшего преступления в человеческой истории, массового убийства – Холокоста. Подсчитано, что 800 тысяч евреев – мужчин, женщин, детей – погибло на территории Беларуси за три года оккупации. И это составляло 90% довоенной численности еврейского населения.

И вот несколько человек из тех, кто перенес эти ужасные страдания, присоединились к нам в тот памятный шаббатний вечер. Феликс Липский и Михаил Канторович были лидерами еврейской Ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Для Михаила и жены Феликса этот

вечер был особенным, потому что стал первой встречей Шаббата в их жизни. Сидя за столом и рассказывая друг другу истории, мы ощутили глубокую связь с нашими гостями и поняли, что эти люди, которые пережили Холокост, сыграют важную роль в нашей жизни.

Когда гости ушли, мы просто плакали от того, что услышали от них и чему они сами были свидетелями. Мы плакали о евреях Беларуси, которые были выделены среди всех, мучимы, обесчеловечены и убиты фашистами просто потому, что были евреями. Мы плакали о тех, кто выжил только для того, чтобы вновь страдать от коммунизма, в то время как их религия, культура и традиции были вне закона.

Фашисты пытались уничтожить
жизни евреев, а советская власть –
забрать еврейскую душу.

Ни у тех, ни у других
ничего не получилось!

Бог-Творец, Бог Израиля сохранил и восстановил Свой избранный народ!

I

Гуревич Лев Семенович

С небольшого возвышения немецкий офицер на ломаном русском языке скомандовал: «Русские – сюда, украинцы – сюда!»

Последними назвал «жидов»

Меня зовут Гуревич Лев Семенович. Родился я 18 июня 1918 года в небольшом местечке Татарск Монастырщенского района Смоленской области.

Мой Отец Симеон был по профессии сапожник. И вообще, в его роду все были либо сапожники, либо заготовщики. В 1929 году он поехал к своему брату Лейбе в город Ярцево Смоленской области с тем, чтобы поработать там и продумать вопрос о переезде туда всей семьи. Так мы оказались в этом городе. Отец продолжал там работать в сапожной мастерской.

Школу я окончил в 1936 году с аттестатом на отлично. Поэтому у меня была возможность в 1937 году поступить без экзаменов в любой вуз. Но я этого не сделал. В связи с болезнью моей старшей сестры Гиты я решил помочь своей семье и пошел работать. Меня взяли на работу учителем математики и физики в Подрощенскую начальную школу. А в 1937 году я поступил в Московский государственный педагогический институт имени Ленина на физико-математический факультет. 21 июня 1941 года мне вручили диплом об окончании этого института, а 22 июня 1941 года объявили о том, что немецко-фашистские войска начали военную агрессию против СССР.

Лев Семенович с сестрой Эсфирь – студенты Государственного педагогического института им. Ленина , 1940 год

Мы, студенты, обратились в военкомат, чтобы нас взяли в действующие войска на фронт. Но после обращения Сталина к народу о создании народного ополчения я добровольно, как и многие выпускники института, стал бойцом пятой дивизии народного ополчения Фрунзенского района города Москвы. В течение недели нас обмундировали, выдали винтовки, противогазы и другие принадлежности и направили в сторону Рославля. На протяжении длительного времени (до октября 1941 года) мы копали огромные противотанковые рвы. Работа эта, к сожалению, оказалась напрасной. Под могучим натиском авиации, артиллерии и танков противника разгром плохо вооруженного ополчения был предсказуем: оно не было способно противостоять сильному напору хорошо оснащенного и подготовленного врага. Много ополченцев полегло на поле брани под танками и артиллерийскими снарядами. Уцелевшие были захвачены в плен. Мы не сдались, нас взяли в плен силой, беспомощных и униженных, безоружных и голодных.

По дороге конвоиры избивали отстающих.

В Рославле пленных прибавилось, и нас погнали в направлении Смоленска, по пути пристреливая тех, кто уже не мог идти

В одну из деревень неподалеку от Рославля согнали тысячи пленных, бросив ночевать под открытым небом на картофельном поле. То и дело конвоиры стреляли, пугая тех, кто отваживался украдкой съесть сырую картофелину. Утром погнали в Рославль. По дороге конвоиры избивали отстающих. В Рославле пленных прибавилось и нас погнали в направлении Смоленска, по пути пристреливая тех, кто уже не мог идти. Наконец мы добрались до Смоленска. На Центральную площадь были согнаны десятки тысяч пленных. С небольшого возвышения немецкий офи-

цер на ломаном русском языке скомандовал: «Русские – сюда, украинцы – сюда!» Последними назвал «жидов». В начавшейся сутолоке и беготне я, было, направился в сторону евреев, но быстро одумался: внешне я не отличался от русских, поэтому незаметно перебежал к ним. После такой «сортировки» нас повезли на вокзал, где уже стоял товарняк. Выгрузили нас на станции «Лесная» в двадцати километрах от города Барановичи, где и был организован Лагерь 337 (STALAG 337).

В прямоугольнике длиной около полутора километров было расположено 14 бараков похожих на овощехранилища. По всему периметру – два ряда колючей проволоки, а по углам – вышки охраны. Внутри каждого барака – двухъярусные нары. На первых порах не всем узникам досталось место в бараке, часть так и оставалась под открытым небом.

С небольшого возвышения, трибуны, немецкий офицер на ломаном русском языке скомандовал: «Русские – сюда, украинцы – сюда!» Последними назвал «жидов»

Самым страшным человеком в лагере был зондерфюрер. Именно он занимался выявлением евреев и политработников. За время моего пребывания в лагере сменилось два зондерфюрера. Самым жестоким был последний, Мюллер. Построив пленных,он особенным чутьем выделял из рядов тех, кого ненавидел. Не спасала даже «хорошая» фамилия: «выбракованный» зондерфюрером человек исчезал бесследно. Условия, в которых приходилось жить пленным, были нечеловечески тяжелыми: в сутки – миска баланды из гнилого картофеля и 150–200 граммов хлеба. Немытые и голодные, вшивые, люди вымирали от тифа, дизентерии и пищевых отравлений. Каждое утро из бараков выносили

по двадцать-двадцать пять умерших. Через две недели такой жизни я уже с трудом передвигался и весь отекший был на пороге смерти. Но свершилось маленькое чудо, первое в этом году. В конце октября 1941 года немцы начали массовую заготовку картофеля. Понадобились рабочие руки. Было много желающих, но только немногим «счастливчикам» удалось выбраться за пределы лагеря. По ту сторону колючей проволоки стоял немецкий солдат лет тридцати, к которому я решился обратиться с фразой на немецком языке: «Я Петр Гусев, студент из Москвы, хочу работать». Видимо, это произвело впечатление на солдата, и он приказал полицейскому выпустить меня за ворота. Так я оказался в бригаде буртовщиков.

Каждое утро из бараков выносили по двадцать-двадцать пять умерших. Через две недели такой жизни я уже с трудом передвигался и весь отекший был на пороге смерти.

Вместе с картошкой крестьяне тайком провозили для нас хлеб и овощи, пряча их в повозках под сеном. Повезло с немцем-конвоиром. Он зорко следил за нашей работой, но кричал редко и не бил совсем. По окончании рабочего дня мы возвращались в лагерь уже не такими голодными: перепадала пара морковок, кусок хлеба, а то и яблоко.

Эпидемия сыпного тифа, свирепствовавшая в лагере, не обошла и меня. Я больше месяца провалялся в переполненном тифозном бараке без лечения. Однажды туда явился зондерфюрер Мюллер. «Наш» немец взял под козырек и представил ему всю команду. Когда очередь дошла до меня, сказал, что я студент из Москвы и немного знаю немецкий. Мюллер, конечно, тут же спросил, не еврей ли я. Хагер уверенно ответил: «Нет». Нетрудно представить себе, что я пережил в этот момент.

В пленении я не чувствовал своей вины, но угнетало сознание, что не воюю. Считал, что если суждено погибнуть, то лучше в бою. Мысль о побеге жила во мне с первых дней пленения, но в зимние месяцы, особенно после перенесенного сыпного тифа, когда я еле-еле ходил, она была нереальна. С наступлением весны, несколько окрепнув, я твердо решил бежать, пусть даже с риском для жизни. Удалось узнать, что в окрестностях, не очень далеко, действуют небольшие партизанские группы.

В солнечное утро 10 мая 1942 года бригада как обычно вышла к воротам и немец забрал нас на работу. Где-то на полпути я попросил у немца-конвоира разрешения отойти по нужде. Остальные продолжили свой путь, а я свернул в лес и побежал что было сил, не придерживаясь конкретного направления и не испытывая страха. Через несколько минут услышал винтовочные выстрелы и подумал, что живым не сдамся (на такой случай в кармане у меня была припасена бритва). Выйдя из леса, я увидел небольшое озеро и лодку с двумя рыбаками. Не таясь, сказал им, что бежал из плена и ищу партизан. Один из них ответил: «Если ищешь, то найдешь», – и показал рукой в конкретном направлении. Я долго шел лесом. Хотелось услышать голос человека или крик домашней птицы. И наконец услышал долгожданное пение петуха, а это означало, что где-то недалеко живут люди. За опушкой показался небольшой домик, и я, не раздумывая, двинулся к нему. В домике были женщина лет пятидесяти и ее сын лет

Я свернул в лес, побежал что было сил не придерживаясь конкретного направления и не испытывая страха. Через несколько минут услышал винтовочные выстрелы и подумал, что живым не сдамся...

восемнадцати–двадцати. Они отвели меня в хлев, дали сухую одежду, накормили, укрыли соломой. Через некоторое время хозяйка зашла снова и сказала, что боится оставлять меня на хуторе, так как туда часто наведывались немцы и полицаи. Она предложила мне вернуться в лес и оттуда наблюдать за хутором: вечером должны приехать «товарищи» (так она называла партизан) за хлебом, который она печет для них.

Вечером, когда я услышал стук колес и увидел телегу с людьми, побежал им навстречу. Это действительно были партизаны. Мне трудно было поверить в свое счастье, свое второе рождение. Это было I2 мая I942 года.

Вечером, когда я услышал стук колес и увидел телегу с людьми, побежал им навстречу. Это действительно были партизаны. Мне трудно было поверить в свое счастье, свое второе рождение. Это было 12 мая 1942 года. С хутора мы направились на место расположения отряда – в лесной массив. Первая беседа с командиром отряда, назвавшимся капитаном Федотовым, продолжалась довольно долго. Получив, наконец, возможность открыть свое истинное имя, я постарался как можно подробнее рассказать о себе. Поначалу командир определил меня на кухню. Я полагал, что это для меня своего рода испытательный срок, к тому же и привыкание к новым условиям, а также подготовка к будущему. Я сам раздобыл себе оружие. Вскоре я стал разведчиком, а затем – командиром разведки. Разведка была конной, и я научился мастерски ездить верхом.

Чтобы завершить партизанскую страницу жизни, скажу только, что отряд, в котором я воевал, действовал на территории Пинской области в Ганцевичском и других районах. Когда же было создано Пинское партизанское соединение под коман-

Лев Гуревич в разведке.
Весна 1944 года

дованием Героя Советского Союза Василия Захаровича Коржа, отряд влился в это соединение. 7 июля 1944 года на подступах к Пинску произошла радостная встреча партизан с Красной Армией.

За боевые заслуги я был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалью «Партизану Отечественной войны 1-й степени» и множеством других медалей.

Так я пережил войну. Теперь нужно было жить дальше.

В конце июля 1944 года после освобождения Беларуси от фашистской нечисти я приступил к работе завуча и учителя математики в средней школе №2 города Пинска. 1945-46-й годы были для меня очень знаменательными: мы поженились с Ниной и я был переведен на работу в Минск в электротехникум, где проработал до 1960

Лев Семенович и Нина Абрамовна,
1962 год

года. С 1960 года и до выхода на пенсию в 1978 году работал преподавателем математики в радиотехническом техникуме города Минска. За успешную и плодотворную работу в 1968 году получил звание «Заслуженный учитель БССР».

Однажды – это было в начале 80-х – я, потеряв сознание, упал на улице. Врачи констатировали полный паралич: не двигались ни руки, ни ноги. Казалось, мне уже никогда не подняться с постели. Врачи не были оптимистичными в своих прогнозах. Но я не из тех, кто сдается без боя. Помощником и вдохновителем ддля меня бессменно была жена и друг Нина Абрамовна Израитель, профессор Минского медицинского института. Когда я, опираясь на палку с одной стороны и руку жены – с другой, неуверенно сделал свои первые после болезни шаги, я родился, можно сказать, в третий раз. Вторым рождением для меня было бегство из плена.

В 2012 году к нам зашли гости, которые со временем стали нам друзьями. Нина уже несколько лет сражалась

Лев Семенович Гуревич с женой
Ниной Абрамовной Израитель

с онкологией, а я не выходил из квартиры много лет по состоянию здоровья и возрасту. Единственные прогулки – это госпитализация для лечения и поддержания здоровья. Нам нужна была и физическая помощь, и общение. Наши новые друзья стали говорить нам с женой о любви Йешуа. Это было сложно понять. Коммунистическое прошлое да-

Лев Семенович Гуревич
(100 лет)

Лев Семенович вместе с Дмитрием Селихановым из общины «Брит Хадаша» читает книгу «Первые шаги с Мессией Израиля»

вало о себе знать, и физические боли, которые переживала Нина, были препятствием в общении. Однажды, когда мы в очередной раз говорили о Йешуа, я решил пригласить Его в свою жизнь. Что-то изменилось в моем сердце. Теперь я ждал новой встречи с нетерпением и понемногу стал читать Божье Слово. У меня всегда было много вопросов. На некоторые мне отвечали.

Я считаю, что Бог дает каждому человеку шанс быть честным, справедливым, поверить в Него и в Его Сына Йешуа, который взял грехи всего человечества на Себя, умер и воскрес для нашего оправдания и спасения. Благодаря Ему я поверил в возможность вечной жизни и спокойно отметил свое 100-летие. В этом мне помогли мои близкие

Внизу : Лев Семенович
Вверху справа налево: сын Геннадий Львович,
супруга сына Татьяна Ефимовна, сиделка Нина Александровна

Лев Семенович на праздновании своего 100-летнего юбилея вместе со Стюартом и Шанталь Виноград и их внучкой Элианой

друзья из Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша». Сейчас мы вместе читаем Библию, молимся, встречаем дома Шаббаты. Я благодарен Богу за Стюарта и Шанталь, за общину «Брит Хадаша», их внимание и поддержку.

Лев Семенович ушел к Небесному Отцу 9 августа 2020 года на 103-м году жизни.

II

Обоз
Зоя Яковлевна

Мы всей семьей встали вместе с папой в рабочую колонну слева, а бабушка, дедушка и другие женщины, дети и старики – в колонну справа.

Как мне потом удалось выяснить, их расстреляли за городом, в Тучинке.

Дедушка Зои – Лазарь

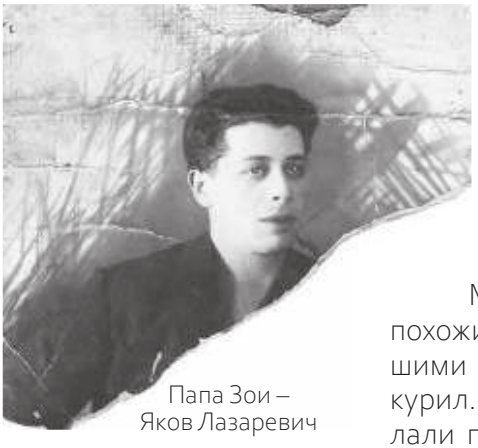
Меня зовут Зоя Яковлевна Обоз. Я родилась 30 июня 1929 года в городе Минске.

До войны наша семья жила в небольшом частном доме на улице Мясникова у бабушки с дедушкой. Бабушка была очень аккуратной хозяйкой. Помню, как она пекла мацу. Дедушка и бабушка ходили в синагогу, встречали Шаббат. Когда мне исполнилось три года, мы переехали в трехкомнатную квартиру четырехэтажного дома по улице Московской, 12. За строительство квартиры мы выплачивали пай.

Моя мама Ревекка не работала, она была домохозяйкой. Мама делала великолепную выпечку. У нас часто собирались все родственники. По-еврейски маму называли «берия» – хорошая хозяйка. У папы Якова были золотые руки. Он, как и дедушка, был краснодеревщиком, художником, столяром и электриком. На работе его уважали.

30 июня 1941 года мне исполнилось двенадцать лет. Всей семьей мы попытались эвакуироваться, но не успели, так как немецкие войска захватили Минск.

Зоя



Папа Зои – Яков Лазаревич

Я с сестрой Ирой училась в белорусской школе по улице Мясникова, брат – в русской школе по улице Чкалова, старшая сестра Фаина – в еврейской.

Мы с братом были очень похожи и поэтому были хорошими друзьями. Папа много курил. Мы, подражая ему, делали папиросы из газеты. Однажды мы подожгли папиросу, и брат обжег губы. С тех пор шалость не повторялась. Папа был строгим: пока он не придет с работы, никто не садился за стол обедать. Когда кто-то пошалит, папа только глянет – мы сразу молчок.

Однажды мы поспорили с ребятами, кто остановит трамвай. Я сказала, что сделаю это, и выбежала со двора прямо перед идущим трамваем. Водитель чудом успел затормозить. Сегодня я бы так не поступила. Зато тогда я выиграла спор.

Когда началась война, я закончила четыре класса. 30 июня 1941 года мне исполнилось двенадцать лет. Всей семьей мы попытались эвакуироваться, но не успели, так как немецкие войска захватили Минск. Они догнали нас по дороге на восток. Нам пришлось вернуться обратно. С чердака нашего дома вместе с другими детьми мы наблюдали, что происходит. Всех мужчин из города согнали в близлежащую деревню Дрозды. Мама собрала корзину еды, папиросы и пошла к отцу. Я пошла с ней. Вокруг по полю был натянут толстый канат. Вдоль него стояла грозная охрана. Внутри на голой земле сидели пленные мужчины. Нам повезло: нашу корзину

с продуктами разрешили передать папе. Правда, пока она к нему попала, не знаю, досталось ли ему что-нибудь.

В июле 1941 года появился приказ немецкого командования переселить всех евреев в специально отведенный для них район, обнесенный колючей проволокой, который позже стали называть Минское гетто (более сорока улиц и переулков). За неподчинение приказу грозил расстрел. Мы переехали в квартиру маминого брата по улице Подзамковой. Его семья успела эвакуироваться. В этой двухкомнатной квартире в цокольном этаже дома вместе с родственниками нас жило двадцать человек.

Недалеко от гетто сразу за колючей проволокой на улице Колхозной размещались мечеть и «татарские огороды». Нам приходилось, рискуя собой, воровать там овощи. Вещи, которые нам удалось перенести из своей квартиры, мы также обменивали у крестьян на муку или хлеб.

Нас, детей, заставляли чистить душегубки. Эти крытые машины, полностью оцинкованные жестью, со встроенной газовой трубой, уезжали из гетто заполненные людьми, а возвращались уже пустыми.

Жили мы в постоянной нужде и бесконечном страхе, все время хотелось есть, но еды не было. Собирали траву, картофельные очистки, перекручивали их, отваривали и ели. Нам, детям, было вкусно. Все мы целыми семьями под конвоем ходили на работу. Там давали 150 грамм хлеба и жидкую похлебку. Однажды нас отвели на площадь Ленина расчищать улицу после бомбежки. Мы разбивали кирпичи и переносили их в другое место. Для детей эта работа была очень тяжелой. Мама обернулась посмотреть на меня и за это получила плеткой по спине. Мне так стало ее жалко, я плакала, а дома мы увидели на месте удара большой красный рубец.

II. Обоз Зоя Яковлевна

Помню первый погром 7 ноября 1941 года по всей территории гетто от улицы Витебской до улицы Замковой. Тогда погибло более 2,5 тысяч человек. Второй погром был 20 ноября от улиц Замковой и Подзамковой. У моего папы был немецкий пропуск (аусвайс), который позволял ему ходить на работу в русский район. В то утро я попросилась пойти вместе с папой на работу. Мы встали в пять утра. Вскоре раздался грохот в дверь и окна. Оставшихся в живых евреев этого района, от улиц Замковой, Подзамковой и прилегающих к ним переулков до улицы Колхозной, стали выгонять из квартир и домов. Люди выбегали, не успев даже одеться. Всех построили в две колонны. Мы всей семьей встали вместе с папой в рабочую колонну слева, а бабушка, дедушка и другие женщины, дети и старики – в колонну справа. С тех пор больше мы их не видели. Как мне потом удалось выяснить, их расстреляли за городом, в Тучинке. В тот день, когда мы вернулись после работы, наш дом в гетто уже был занят другими людьми и нам пришлось искать себе новый. Так мы очутились на улице Флакса. Дом был страшный, везде бегали крысы. Папа сделал за шкафом укрытие («малину»), но нам она не понадобилась.

Так как папа был очень хорошим специалистом, он был востребован немцами. Однажды немец сказал папе: «Если бы ты жил в Германии, ты был бы очень богатым человеком». Благодаря тому, что папа работал электриком и столяром-краснодеревщиком, он мог принести нам по кусочку хлеба или котелок супа-баланды. Однажды нашу семью и еще три семьи забрали из гетто и перевели в гестапо. Цели этого переселения мы не знали. Нас, детей, заставляли чистить душегубки. Эти крытые машины, полностью оцинкованные жестью, со встроенной газовой трубой, уезжали из гетто заполненные людьми, а возвращались уже пустыми. Мы вытаскивали деревянные решетки с пола и выметали все, что оставалось от удушенных газом людей: пуговицы, зажигалки, детские ботиночки, платочки и другие мелкие вещи. Вновь затаскивали решетки в

машину и, уже очищенная, она уезжала. Когда мы вернулись в гетто, то наше жилье было занято. Мы снова нашли комнату в общей квартире дома по улице Опанского.

В начале 1942 года мои братья (родной и двоюродный) вышли из гетто в русский район, чтобы раздобыть немного еды. Но домой они не вернулись. Мама очень сильно плакала. Так из всей нашей большой семьи в живых остались мы впятером: мама, папа, я и мои сестры.

Помню, как мы с сестрами и другими женщинами ходили разгружать вагоны, подметать склады. Однажды я, увидев вдалеке мужчину, который шел по узкоколейке, попыталась тихонько подойти и попросить у него кусочек хлеба. До этого я уже видела, как рабочие хлебозавода, сочувствуя евреям из гетто и особенно детям, отламывали им хлеб от своей пайки. Но немец, наблюдавший за нами, заметил это, подозвал меня и изо всей силы «всыпал» двадцать пять ударов ремнем. Женщины, видевшие это, плакали. Я помню, как сильно все болело, так что я даже не могла ни лежать, ни сидеть.

С 28 по 31 июля 1942 года был самый большой погром за всю историю Минского гетто. Он длился четыре дня. Было убито около 30 000 человек. Трудоспособных узников всё это время держали на работе.

Однажды в конце 1942 года мама, возвращаясь в колонне с работы, несла с собой досточки, чтобы немного протопить печь. Немец вышвырнул эти досточки, а маму вытолкнул из колонны. Больше мы ее не видели.

После очередного погрома в гетто остались считанные люди. Все они переселились на улицы Обувную и Сухую. На улице Сухой, которая находилась рядом с еврейским кладбищем, мы жили в маленькой комнатке, где папа спал на полу, а мы с сестрами – на кровати с выбитыми пружинами.

В гетто я случайно услышала о том, что можно убежать к партизанам, и решилась на это вместе с подругой. Мы долго блуждали, прошли уже Тучинку, Медвежино, Старое

Село, вышли в поле, окруженное лесом. Слева из леса вышла девушка (ее звали Катя) и с ней пятеро мужчин. Она подозвала нас, и мы все вместе прошли в глубь леса. Там в правой стороне леса мы встретили группу людей, вырвавшихся из гетто, которые пробирались к партизанам. Я запоминала дорогу, так как собиралась вернуться в гетто за папой и сестрами, но Катя сообщила нам ужасную новость: в тот день в гетто был последний погром, оно перестало существовать, а вместе с ним погибли мой отец и родные сестры Ира и Фаня. Это было 22 октября 1943 года. Так из всей нашей большой семьи я осталась одна. В семейном еврейском отряде Шолома Зорина, который размещался в Налибокской пуще, я находилась до конца войны. Помогала на кухне, стирала бинты, пилила березы для обогрева землянок. Когда летом 1944 года в одном из последних боев было убито несколько партизан, а командир отряда тяжело ранен, я помогала ухаживать за ним. Он не мог ходить, так как после ранения в колено ему ампутировали ногу.

Катя сообщила нам ужасную новость: в тот день в гетто был последний погром, оно перестало существовать, а вместе с ним погибли мой отец и родные сестры Ира и Фаня. Это было 22 октября 1943 года.

После освобождения Минска в 1944 году я рвалась в родной город, потому что очень хотела увидеть хотя бы кого-то из родственников или знакомых. Вместе с подругой Соней Залесской, радуясь победе, мы попросили солдат-освободителей взять нас к себе в машину. Это был танк – бензовоз. Так, крепко держась за поручни, мы с Соней въехали в Минск.

Мне было четырнадцать лет, когда я вернулась в свой город. Бабушкин дом и вещи сохранились, но там жили чужие люди. Меня определили в детский дом по улице Обувной, где я жила в течение года, после чего меня и некоторых

Григорий – муж Зои

других детдомовцев отправили учиться в ремесленное училище при радиозаводе. После трех лет обучения, мы стали там работать. Мы были счастливы, что выжили, получили профессию, жилье (общежитие при радиозаводе), начали самостоятельно зарабатывать в свои 17-18 лет. Кроме того, я закончила вечерние курсы кройки и шитья, а потом и курсы вязания. Днем работала на заводе, а вечерами училась, вязала, шила, воспитывала дочку. Все это до краев заполняло жизнь.

В 1993 году бывшие узники гетто и нацистских концлагерей объединились в общественную республиканскую организацию, состоявшую тогда более чем из 350 человек. Меня избрали в состав совета – рабочего органа руководства этой организации, где я на общественных началах тружусь до сих пор.

Примерно в это же время, а точнее в 1995 году, я познакомилась с руководителем Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша». Вот как это было. Во время осенних еврейских праздников к нам на вечер пришел молодой симпатичный мужчина с женой и детьми. Тогдашний председатель совета организации бывших узников гетто Феликс Липский подошел к нему и, о чем-то переговорив, представил его нам как гражданина США, добавив, что этот человек будет сотрудничать с нашей республиканской организацией. Это был Стюарт Виноград со своей женой Шанталь и их четырьмя детьми. Им удалось создать большую общину верующих из евреев и неевреев, привлечь людей, которые искали для себя истинную веру. Они целыми семьями приходили на

Зоя Обоз

Зоя Яковлевна
с дочкой Ритой (4 года)

встречи слушать человека, который на английском языке через переводчика, но очень доступно, с примерами из жизни излагал нравственную суть учения Мессии. Тогда было тяжелое экономическое время в стране. Шанталь и Стюарт начали помогать нашей организации продуктами, одеждой, обувью. Они также оказывали благотворительную помощь детским садам, больницам, заботились о сиротах и малоимущих, снабжая их медикаментами и всем необходимым.

Уже около двадцати пяти лет я знаю Стюарта и Шанталь. Это они рассказывали нам о смысле наших еврейских праздников. Ведь мы росли атеистами. Никто не говорил нам о Боге ни дома, ни в школе. Считалось, что религия – опиум для народа. Только старые люди ходили в церковь. Мой муж также рассказывал мне об Иисусе Христе. Теперь уже я понимаю, что Бог сопровождал меня всю жизнь. Ведь это не случайно, что, пройдя через такие ужасные испытания, я осталась жива. Благодаря постоянному тесному сотрудничеству бывших узников гетто с общиной «Брит Хадаша», слушая простые и понятные обращения мессианских верующих к Богу, участвуя в коллективном проведении еврейских праздников, я стала

Слева направо: внучка Юлия, правнуки Саша и Коля, Зоя Обоз, правнучка Кристина, внучка Лена, дочка Рита, зять Виктор, 2019 год

Шанталь Виноград и Зоя Обоз

больше задумываться о смысле евангельской веры, больше читать. Была очень удивлена узнав, что Иисус Христос – еврей, что Его настоящее имя – Иешуа, что у Него было двенадцать учеников, которые стали распространять Его учение по всему свету. Я поверила в Йешуа. Сегодня у меня, как и у других бывших узников гетто, проходящих путь духовного роста, тоже остаются вопросы. Ответы на них мы ищем все вместе, опираясь на поддержку и профессиональную помощь членов общины «Брит Хадаша».

III

Левин
Яков Лазаревич

...мы видели
много ужасов:
брошенные
дети и мертвые
люди...
...у мамы не
было сил нести
брата. Она
решила оставить
его у дороги,
а я еле шел за
ней...
...мы увидели,
что Миша сидит
там, где мы его
оставили, –
у него не
было сил даже
плакать...

Мой отец, Левин Лазарь Моисеевич, был родом из города Бобруйска. Он окончил радиотехническое училище и был направлен на работу в город Себеж Псковской области. Там он работал начальником почты, а потом его призвали в армию. В Себеже он познакомился с моей мамой, Кобриной Верой Самуиловной. Её родители были верующими людьми.

Моей маме было всего 18 лет, когда она вышла замуж. День свадьбы отметили в Бобруйске, потому что там жили родственники отца. Я родился в марте 1935 года, а мой брат Миша родился в июне 1937 года. Наш отец категорически возражал против нашего обрезания (как это принято для еврейских мальчиков). За месяц до войны я заболел воспалением легких и попал в больницу. Но там я был недолго. Очень скоро меня отправили домой из больницы с хрипами в легких.

Наша машина была перегружена, поэтому нам приказали сесть в другую машину. Первая машина уехала на двадцать минут раньше, чем наша. На выезде из Гродно от увиденного в глазах застыл ужас: в машину, где нам не хватило места, попала бомба.

Наша семья переезжала с места на место вместе с папиной воинской частью. К началу войны мы оказались в городе Гродно, где отец стал помощником командира дивизии связи. За неделю до начала войны отец предупредил маму, что война с Германией может начаться в любой момент, и, когда это произойдет, нам придется подъехать к воротам гарнизона, где будут находиться грузовики для эвакуации семей офицеров.

22 июня 1941 года рано утром Германия начала бомбить наш город и мы побежали к воротам гарнизона. Для семей офицеров действительно были подготовлены грузовики, и люди уже сидели в этих машинах. Вещи брать с со-

бой не разрешалось, так как для них не было места. Наша машина была перегружена, поэтому нам приказали сесть в другую машину. Первая машина уехала на двадцать минут раньше, чем наша. На выезде из Гродно от увиденного в глазах застыл ужас: в машину, где нам не хватило места, попала бомба. Водитель нашей машины свернул в лес, и мы начали помогать раненым. Бомбежка продолжалась. Мама велела нам лечь на землю и накрыла нас своим телом. Наконец налет закончился. Наша машина чудом уцелела. Мы продолжили движение. Утром приехали в Минск и поселились в эвакуационном пункте на Комаровской улице. Каждый должен был подготовить информацию о том, куда он хочет отправиться, а потом нам оставалось только ждать. Минск уже бомбили. На следующий день железная дорога оказалась поврежденной, и нам пришлось ехать дальше самостоятельно.

Все мы смертельно устали. Мой брат Миша уже не мог идти, а у мамы не было сил нести его. Она решила оставить его у дороги, а я еле шел за ней. Оглянувшись, мы увидели, что Миша сидит там, где мы его оставили, у него не было сил даже плакать. А я плакал, потому что видел, как много женщин оставляло своих детей у дверей домов. Мы вернулись и забрали Мишу. Некоторые женщины даже бросали своих детей в воду, потому что боялись их мучительной смерти.

Мама не знала других мест в Беларуси, кроме Бобруйска, поэтому решила пойти туда пешком. Вместе с нами поехала ее подруга-еврейка с годовалой дочерью. Нам нечего было ни поесть, ни одеть. Все мы были голодны, дети скулили и плакали. Выйдя из Минска, мы заметили возле фургона убитых солдат. В фургоне было полно пакетов с печеньем.

Наша мать направилась к фургону и увидела надпись: «Не трогайте! Отравлено!» Она взяла на всякий случай три крекера, и мы двинулись дальше. Я шел сам, а мой брат хотел, чтобы его взяли на руки. По дороге мы видели много ужасов: брошенные дети и мертвые люди, которых никто не хоронил. Пока у матери были деньги, мы просили у сельчан поесть и отдохнуть. Когда деньги у нас закончились, мама решила дать нам отравленные крекеры. Мы съели их сразу, но с нами ничего не случилось.

В июле всем евреям пришлось переселиться в гетто. Каждому пришлось пришить на одежду шестиконечную звезду. В городе прошла серия массовых погромов. Немцы увозили молодых евреев «на работу», но никто из них не вернулся.

Все мы смертельно устали. Мой брат Миша уже не мог идти, а у мамы не было сил нести его. Она решила оставить его у дороги, а я еле шел за ней. Оглянувшись, мы увидели, что Миша сидит там, где мы его оставили, у него не было сил даже плакать. А я плакал, потому что видел, как много женщин оставляло своих детей у дверей домов. Мы вернулись и забрали Мишу. Некоторые женщины даже бросали своих детей в воду, потому что боялись их мучительной смерти.

Через неделю мы добрались до Бобруйска. Немцы уже были там. Мы не смогли найти родственников своего отца. Их квартиры были разграблены. Люди воровали из магазинов все, что только можно. Моя мама и ее подруга сняли одну из заброшенных квартир в доме других еврейских семей. Люди увидели нашу сложную ситуацию и сказали моей маме, что на кондитерской фабрике остался сироп и она может пойти и попробовать его забрать. Мама взяла меня с собой. Когда мы пришли на фабрику, мы увидели очень много людей, стоящих

возле этих цистерн с сиропом. Когда подошла наша очередь, мы увидели мертвого человека, утонувшего в этом сиропе. Никто даже не пытался вытащить его оттуда.

В июле всем евреям пришлось переселиться в гетто. Каждому было приказано пришить на одежду шестиконечную звезду. В городе прошла серия массовых погромов. Немцы увозили молодых евреев «на работу», но никто из них не вернулся.

Подобные погромы прошли и в нашем многоквартирном доме. Рано утром двор окружили полицаи, а затем солдаты начали стучать в двери. Мужчинам, которые открывали их, велели одеться и взять еды на три дня. В одном доме на окнах стояли ставни. Когда начали туда стучать, дверь никто не открыл. Тогда немцы выломали ставни и двери, и люди стали выбегать из дома. По ним начали стрелять. Семья из шести человек была расстреляна. Немцы приказали закопать трупы во дворе. Люди, которые жили поблизости, вырыли во дворе большую яму под контролем полицаев и положили тела убитых: старуху с мужем, их дочь и ее мужа и двух девочек примерно моего возраста. Все тела засыпали землей.

Немцы приказали закопать трупы во дворе. Люди, которые жили поблизости, вырыли во дворе большую яму под контролем полицаев и положили тела убитых: старуху с мужем, их дочь и ее мужа и двух девочек примерно моего возраста.

Пока жители двора хоронили мертвых, полицаи грабили их дома. После этого погрома все евреи были вынуждены переселиться в гетто. Мы (пять человек) жили в одной комнате вместе с семьей из четырех человек. В гетто не было еды, поэтому мама пошла в Юденрат просить помощи или работу. Раввин Бобруйской синагоги был главой этого Юденрата. Он не дал маме никакой работы. Тогда она взяла

нас с собой в Юденрат, поставила на колени, а сама пошла искать раввина. Потом она привела его к нам и начала плакать и просить его о работе, чтобы спасти нас. Мы тоже начали плакать. Когда он узнал, что она умеет шить, то дал ей документ для швейной мастерской в городе. Мама ходила на работу вместе со мной, потому что там всем давали тарелку так называемого супа и кусок хлеба. Половину этой еды мы съедали сами, а другую половину приносили брату.

Однажды, когда мы возвращались после работы домой, двое мужчин позвали мою маму по имени. Мама остановилась. Они подошли к нам и спросили: «Разве ты не помнишь, как мы танцевали во Дворце офицеров в Гродно?» Потом мама вспомнила, что они работали в газете. Эти люди рассказали ей, как их схватили и как умер наш отец. Бомба упала прямо в дивизионную радиостанцию, которая находилась в машине, где сидел наш отец. Когда они увидели на нас шестиконечные звезды, они спросили: «Ты в гетто? Тебе нужно бежать немедленно, потому что тогда у тебя будет хотя бы один шанс из тысячи выжить». Мама сказала, что ей некуда идти и никто ее не выпустит. Они спросили, где мы живем, и на следующее утро принесли аусвайс (рабочий документ) для всех нас и для подруги моей матери. Предупредили, что срок действия этих документов истекает через полгода и продлевать нельзя. В противном случае всех нас и также их самих могут убить. Они сказали нам немедленно уезжать. У моей мамы, ее подруги и у меня было временное разрешение на выезд по работе в город. Мой брат пробрался через колючую проволоку в определенном месте, где мы его ждали. Все вместе мы выехали из Бобруйска. Пока мы были в городе, у нас неоднократно проверяли документы. Нам посчастливилось встретить на пути добрых людей. По дороге ехал фермер с телегой. Он предложил женщинам посадить детей на телегу и стал спрашивать, куда мы идем. Мы ответили, что едем бесцельно, просто хотим найти место, где

можно остановиться на какое-то время. Тогда он предложил нам остаться в его деревне Буня. Подруга мамы и ее дочь (они не были похожи на евреев) могли остаться в школе. Мы согласились. Звали этого человека Юрочка Николай Филаретович.

Оказалось, что через две недели после нашего бегства Бобруйское гетто было полностью ликвидировано. Немцы повсюду развесили объявление, в котором говорилось, что всех, кто защищает евреев, расстреляют вместе с семьями. У Николая Филаретовича только-только родилась дочь, поэтому люди часто приходили к ним домой, чтобы поздравить родителей. Это было опасно для всех. Юрочка пришел к маме, показал ей объявление и сказал, что боится за свою семью и больше не сможет нас прятать. Мама поблагодарила его за помощь и пошла в школу к подруге. Подруга мамы решила остаться в школе, надеясь, что их никто не предаст.

Мама взяла нас, и мы пошли по деревням, пытаясь найти новое место для проживания. В Гродно наша семья хорошо ладила с одной армянской семьей. Отец этой семьи жил в Ереване до призыва в армию и часто рассказывал о своей жизни в Армении. Мама решила представить истории из его жизни как нашу легенду, как если бы он был ее мужем, потому что нас стали спрашивать, кто мы и откуда пришли. По пути мы останавливались в разных домах и наконец добрались до поселка Павловичи Кировского района. Как всегда, женщины этого села начали расспрашивать мою маму, кто мы и откуда. Когда она сказала, что ее муж армянин, хороший сапожник, спросили, как он выглядит. Мама ответила на все их вопросы. Потом они немного поразмыслили и сказали моей маме, что ее муж живет в соседней деревне. Моя мама уговаривала их сразу же отвезти нас в эту деревню, хотя на улице уже было темно. Она умоляла их, говоря, что она не переживет ночи, если они не помогут ей туда добраться. Женщины согласились и отвезли ее к ар-

мянину. И, конечно, он не был ее мужем. Но люди верили в ее легенду и очень жалели ее. Староста того села Юрочка Данила подошел к женщине, у которой мы жили, и стал проверять наши документы, спрашивать, что мама ищет и куда она собирается. Моя мать сказала ему, что она ищет место, где можно остановиться. Она сказала, что готова делать любую работу. Староста ее выслушал и попросил подождать его. Вскоре он вернулся и сказал, что рядом с фермой живет такая семья, как наша, и они согласились приютить нас. Он привел нас к хозяйке этой семьи. Звали ее Масюкевич Ирина Ивановна. Ее муж служил в армии. У них было трое детей: сын и две дочери. Младшей дочери был один год, а вторая девочка и сын были того же возраста, что и мы с братом. Поэтому она предложила маме остаться. Староста села, Данила Филаретович, обещал помочь ей с дровами и сеном. У них были лошадь, корова и птицы. Ирина узнала, что мама окончила ветеринарный техникум, и сказала, что теперь все хозяйство под ее контролем, а меня она поставит пасти коров и гусей.

Первой весной в селе Павловичи я пас сорок гусей. Мы пасли их в поле у дороги, по которой проезжали немцы. Однажды немцы, проезжая на мотоциклах, остановились возле нас и начали стрелять по гусям из автоматов. Я и двое других пастухов легли на землю. Немцы забрали мертвых гусей и ушли. Хозяева гусей подбежали к нам, забрали остальных птиц, а пастухов отпустили домой. После такого случая к этой работе я не возвращался.

Следующим летом меня наняли пасти коров, а зимой мы с братом просили милостыню. Нас знали в соседних деревнях. Но мы боялись собак и полиции. Польская полиция дважды заставляла нас снимать штаны, чтобы проверить, не сделано ли нам обрезание. В тот момент я мысленно поблагодарил нашего отца за то, что он не разрешил провести этот ритуал. Срок наших аусвайсов давно истек. Когда

староста села подошел к маме и попросил документы, она сказала, что они пропали. Потом староста сказал, что все о нас знает, потому что после нашего побега из гетто его брат Николай Юрочка скрывал нас две недели. Он сказал моей маме вырыть яму в сарае, чтобы мы могли спрятаться, когда придут немцы. Эта яма спасала нас много раз.

Летом 1943 года в селе Павловичи остановился легион эсэсовцев-армян. Они насиловали молодых женщин, но к нам так и не пришли. Однажды, когда мы с братом просили милостыню в Павловичах, один армянин привел меня во двор к другому армянину. Тот посадил меня между колен и стал проверять мои волосы. После этого он сказал мне, что я не армянин. Тот, который привел меня туда, сказал ему, что моя мать была русской женщиной. Потом нас отпустили. Когда мы рассказали об этом маме, она запретила нам находиться в Павловичах, пока там были армяне. Когда они вышли из нашего села, они зашли к нам во двор с тележкой, полной продуктов. Мама им сказала: «Где вы взяли продукты? Если вы их украли, мы их не возьмем, потому что нас просто убьют». Они ответили, что это для нас, для армянских детей. Но мама категорически отказалась, говоря, что люди убьют даже детей. И они выругались и ушли. Будучи все время голодными, мы с Мишей не могли понять действия нашей мамы. Особенно тяжело было это понять моему младшему брату. Я мог работать за еду, но он, будучи маленьким мальчиком, не мог работать. Однажды соседка пожалела моего очень голодного брата и принесла ему миску молока и творога. Миша сразу же съел и попросил еще. Она принесла снова. Эта порция исчезла с той же скоростью. Тогда женщина принесла еще одну тарелку, полную еды. Съев, Миша потерял сознание.

В 1943 году немцы начали забирать детей в концлагеря. Однажды староста предупредил об этом нашу маму. Мне тогда было восемь лет. Нас всех загнали на главную площадь

и начали брать детей от восьми лет и старше. Полицейский затолкал меня в отобранную толпу детей. Нас посадили в машину, отвезли в Кировск и поместили в какой-то сарай. Там врач осматривал нас одного за другим. А потом детей увели. Затем настала моя очередь. Они заставили меня раздеться и лечь на скамейку. Врач начал меня осматривать, а потом стал прислушиваться к моим легким. Возможно, ему не нравились мои легкие, потому что он слушал их много раз и спрашивал, сколько мне лет. Я сказал ему, что мне восемь лет. Он ответил: «Нет! Шесть!» Так продолжалось до тех пор, пока медсестра не сказала мне: «Тебе шесть лет».

С приближением фронта немцы все чаще останавливались в нашем селе. Наш дом находился на окраине фермы, поэтому мама часто помогала больным и раненым партизанам. Они жили на чердаке. Когда немцы остались на ферме, они поставили часового возле последнего дома фермы. Однажды немецкий часовой забрался на чердак за яйцами, где лежало два больных партизана. Хозяйка увидела это и решила, что нас всех убьют. Но Бог спас нас! Партизаны услышали шум и закопались в сено. Немецкий часовой забрался на чердак, взял яйца и спустился вниз.

Той же весной на Пасху соседи пришли к нашей хозяйке. Они начали играть в карты. Мама предложила им погадать, хотя этого никогда не делала. Она рассказала, что когда-то цыгане научили ее гадать. Мама нагадала нашей хозяйке, что та скоро получит письмо от мужа. Все начали смеяться. Но случилось чудо: через две недели Ирина получила письмо от мужа. Оказалось, что он попал в плен к немцам и занимался у них сельским хозяйством. Эта новость сразу же распространилась по деревням, и люди выстраивались в очередь погадать у моей матери. Так что зимой 1943–1944 года мы не голодали.

После войны муж нашей хозяйки остался жив. Он провел десять лет в нашей тюрьме и вернулся домой. Освободили нас летом 1944 года. После освобождения мама сразу же стала ис-

кать подругу с дочерью, которые остались жить в школе. Но их уже не было в живых. Они притворились русскими, но это не помогло. Немцы подозревали сотрудников этой школы в связях с партизанами, и кто-то предал евреев, чтобы спастись. Немец вывел их во двор, дал девочке конфетку и спросил, как зовут ее бабушек и дедушек. Затем он молча вытащил пистолет и выстрелил в них обеих. В том же 1944 году советские власти арестовали старосту села Юрочку. Мама пошла в политотдел армии и рассказала, как он спас ее детей. Его отпустили и забрали в армию. После победы он вернулся домой.

Когда в Иерусалимском музее «Яд Вашем» установили титул «Праведник мира», мама прислала туда документы Ирины Ивановны и Данилы Филаретовича. Ирине было присвоено звание «Праведник мира», но Даниле Филаретовичу было отказано, так как посчитали, что он не рисковал своей жизнью и жизнью своей семьи.

После войны мы много раз навещали нашу спасительницу, пока она не умерла. Сейчас жива только ее младшая дочь Липкова Валентина. Мы преклоняемся перед ними.

В Бобруйске есть памятник, посвященный «Праведникам мира». В честь Ирины Ивановны Мисюкевич установлен мемориал с табличкой, где написано ее имя. Каждый раз, когда бываю в Бобруйске, я возлагаю цветы и кланяюсь этой женщине.

После освобождения Бобруйска мы вернулись туда и начали жить мирной жизнью. Город был разрушен. Многие дома были пусты. Мы заняли один из них. Когда мне было уже девять лет, я наконец пошел в школу. Мои одноклассники были намного младше меня.

В то время моя мать работала бухгалтером, но взяла ещё и дополнительную работу, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

Окно нашей квартиры выходило на веранду другой квартиры, где жил инвалид войны Паперный Вульф Мовшович. Его семью в Червене расстреляли фашисты. Вульф

Мовшович был тяжело ранен в легкие под Сталинградом. Он часто приходил к нам в гости и видел, как нам было непросто жить. Он любил нас всем сердцем.

В 1945 году они с мамой поженились. В том же году родился мой брат Роман.

После освобождения Минска мы переехали туда, потому что отчиму предложили должность председателя небольшой мебельной фирмы. Наша семья жила в коридоре фирмы. Позже мы переехали в бараки по улице Максима Горького. Мы жили в бедности. Только по карточкам можно было получить хлеб и другие продукты. Я навсегда запомнил, как моя мама послала Мишу (ему тогда было восемь лет) за хлебом. Была огромная очередь. Он простоял там почти весь день. Когда настала его очередь получить хлеб, окно прямо перед ним закрылось. Один мужчина предложил Мише достать ему хлеб, сославшись на то, что там работает его друг. Миша ему поверил и отдал все карточки на еду. Домой он не принес ни карточек, ни хлеба. Тот человек грубо обманул его. Это была трагедия.

После семи лет обучения в школе с высокими оценками мне пришлось отдать документы в автомобильное училище. Моя школьная учительница старалась убедить маму, что мне надо получить среднее образование. В училище мне платили стипендию, что было важным аргументом для моего выбора. По крайней мере, это немного помогло моей семье.

После окончания училища меня направили на тракторный завод, а через два месяца призвали в армию.

В 1959 году умер отчим.

После армии я вернулся на тракторный завод, где работал мастером литейного производства, а по вечерам учился в политехническом институте. После окончания учебы работал главным технологом в литейном цехе.

Однажды руководство завода предложило мне должность начальника снабжения. Этот пост должен был под-

твердить местный комитет КПСС, но он не одобрил мою кандидатуру. Мне сказали, что евреям не разрешается занимать высокие должности.

Моя мама умерла 18 мая 2002 года, когда ей было 83 года. Она была мудрой и сильной женщиной, а также строгой, но справедливой. Когда мои братья хотели переехать в Германию, мама сказала, что не поедет к этим «зверям». Она не согласилась уехать в Соединенные Штаты Америки, хотя мои братья переехали туда со своими семьями.

Ни моя мать, ни отец не были верующими. Я помню только родителей матери, которые соблюдали все заповеди, но в детстве я этого не понимал.

Я уже говорил раньше, что когда я родился, родственники пригласили раввина сделать обрезание. Но мой отец

Фото с семьей Шапиро из Ленинграда
во время прохождения службы в армии, 1955 год
Слева направо: тетя Таня, Яша, тетя Белла, Яков (стоит сзади)

В армии, 1955 год
Яков – справа.

Яков Лазаревич
со своей первой женой Зиной

Яков Лазаревич с дочкой Людой, 1962 год

С коллегами на Первомайской демонстрации.
Яков – второй справа

был категорически против этого. Уже в зрелом возрасте, оглядываясь на всю свою жизнь, я понял, что выжил только благодаря Господу. Он всегда спасал меня и помогал мне, направлял и вел вперед.

Еще до войны у меня было воспаление легких. После этого заболевания появились хрипы в легких. Даже мою болезнь Бог использовал во благо, когда немцы хотели забрать меня в концлагерь для переливания крови их раненым. Когда врач услышал хрипы, он отправил меня домой. Я мог бы быть одним из тех двадцати детей, взятых из нашей деревни. Никто из них больше не вернулся.

После окончания политехнического института я проработал на заводе сорок лет. Сейчас в живых нет никого из моих коллег, но Господь хранит меня до сих пор.

Однажды, уже будучи на пенсии, я пошел на служение, которое вел Стюарт Виноград, раввин Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша». Это собрание посещают люди

разных национальностей. Их объединяет вера в Йешуа, обещанного Мессию Израиля и Спасителя всего мира, желание служить людям и помогать тем, кто страдает. Меня поразила атмосфера доброты и заботы. Они находили подходящие слова, чтобы утешить и вселить надежду в любого человека. Бог всегда поможет и никогда не оставит.

Я начал посещать их собрание. Община стала моей второй семьей, моей мишпохой. Я никогда не читал Библию, но теперь она стала моей повседневной книгой. В ней есть все, что нужно человеку и в хорошие времена, и в тяжелые.

Впервые в жизни я стал гордиться своей национальностью и был счастлив, что собрание объединяет людей из разных стран. Вместе мы молимся за Израиль, служим Йешуа, уважаем друг друга, помогаем в беде и благодарим Бога за все Его благословения.

Наша община очень дружна с бывшими узниками гетто и концлагерей. Многие из них посещают служения, рассказывают о пережитом во время Холокоста и встречаются с молодежью. Служители общины часто навещают их дома, помогают им, общаются с ними, привозят на служения.

Это действительно здорово, что люди в этой общине выступают против любых проявлений антисемитизма. Только здесь мы можем гордиться своей национальностью и быть уверенными, что Господь не допустит повторения этого кошмара фашизма.

Наша молодежь должна знать историю, поэтому члены общины часто посещают места захоронения жертв нацизма, ухаживают за памятниками и возлагают цветы.

Господь послал мне великий подарок. В этой общине я познакомился с женщиной, Марголиной Тамарой. Я полюбил ее всем сердцем, и в 2006 году мы поженились. Мы вместе стали посещать собрание и служить Господу.

Тамара организовала детский театр теней. Вместе с другими служителями она проводила для детей спек-

Вверху слева направо: племянник Дима с женой Ириной,
Яков Лазаревич, Светлана (жена Ромы, родного брата Якова).
Внизу: мама Паперная Вера Самуиловна

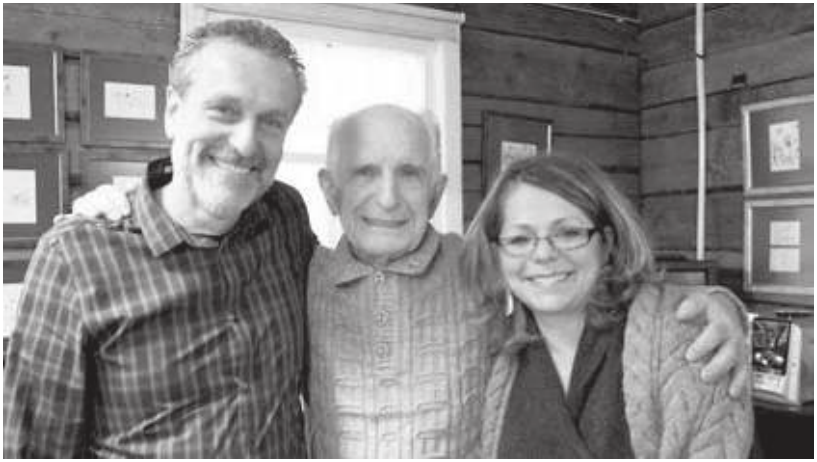
такли, посвященные еврейским праздникам, таким как Пурим, Ханука и другие. Они посещали «детскую деревню» в Боровлянах, где лежали дети, больные онкологией. Тамара и другие члены общины проводили уроки на библейские темы, ставили пьесы, давали концерты и радовали больных детей. В такие часы дети отдыхали от сложных лечебных процедур и забывали о своей болезни. Являясь волонтером Музея истории и культуры евреев в Минске, Тамара делала очень нужную и важную работу. Стараниями Тамары через музей Яд Вашем были увековечены имена более шести тысяч евреев – жертв Холокоста.

Также у нас дома проходила домашняя группа. Мы вместе с гостями изучали Библию, пытаясь принести мир в души людей, уверенность в завтрашнем дне, надежду и радость, направляя их к Богу. Вместе с нашим раввином Стюартом я посетил мессианские общины в других городах Беларуси.

Яков Левин (слева) и Лев Кравец

И возраст не помеха.
Яков Левин с другом
Владимиром Рубежиным

Яков Лазаревич
с Виталием Кондратом из
общины «Брит Хадаша»



Яков со Стюартом и Шанталь

Яков с женой Тамарой

Слева направо: Яков, Тамара,
Роман Зенькович из общины «Брит Хадаша» и Михаил Трейстер
во время посещения музея Аушвиц, 2010 год

Встречаясь с разными людьми, я все больше убеждаюсь, что евреи и неевреи нуждаются в Йешуа. Он меняет жизни людей к лучшему и не позволит никому уничтожить нас, евреев, как нацию. Еврейский народ жив, и у него есть свое государство.

Слева направо: Наум Хейфиц , Владимир
Бурый из общины «Брит Хадаша», Яков

Я хочу закончить свои воспоминания словами любимого поэта Давида Симановича: «Имею честь принадлежать к этому преследуемому народу».

Яков Лазаревич ушел к Небесному Отцу 27 октября 2021 года.

IV

Кравец
Лев Абрамович

...мой отец сказал, что вернется. Я никогда больше не видел своего отца. Я никогда не забуду март 1942 года. Это был последний раз, когда я видел свою старшую сестру Хану (13 лет) и моего младшего брата Бориса (5 лет). Их застрелили в гетто.

Я, Лев Абрамович Кравец, родился 11 мая 1930 года (по паспорту 15 августа 1930 года) в Минске. Мои родители были простые люди. Отец, Абрам Лейбович Кравец, работал поваром в военном училище. Мама, Лиза Израилевна Кравец, работала медсестрой в поликлинике. Нас детей было в семье четверо: я, моя старшая сестра Ханна (родилась в 1928 году), и младшие - Майя (1935 года рождения) и брат Борис (1936 года рождения). К началу войны я уже окончил третий класс школы №21.

Наша семья жила в Минске на улице Фурманова в доме 37. Уже в первые дни войны наш дом разбомбили. В это время мы с мамой прятались в бомбоубежище. Когда же и бомбоубежище было разбомблено, нужно было куда-то уходить. Мы пошли в сторону Логойска. Шли долго. Когда мы прошли половину пути, наступил вечер, но светло было, как днем, - так ярко горел Минск.

Слева направо: Лёва, его мама Елизавета Зендель,
младшая сестра Майя, старшая сестра Хана

Мир не без добрых людей. Придя в Логойск, мы не остались на улице – нас приютила одна семья. Через несколько дней Логойск также был захвачен немцами, которые приказали всем евреям собраться на центральной площади. Нам надо было решать, что делать дальше. После краткого обсуждения мы решили, что должны вернуться в Минск. Дороги были заполнены такими же беженцами, как и мы, и никто не обращал на нас внимания. Нам удалось добраться до места без происшествий.

Придя в Минск, мы узнали, что немцы приказали всем евреям оставить свои дома и переселиться в район Юбилейной площади и прилегающих к ней улиц. Нам тоже пришлось переселиться туда. Эта территория была названа гетто. Там в гетто нас и нашел отец.

Мой папа – Абрам Кравец – умолял маму отпустить меня с ним воевать к партизанам, но мама не позволила. Со страхом, который был ощутим даже для маленького мальчика, мой отец обнял меня и сказал, что вернется, чтобы помочь остальной части семьи сбежать. Я никогда больше не видел своего

Лёва в молодости. 1950 год

Лёва в молодости. 1950 год

отца. Вскоре в гетто начались погромы – жестокие массовые убийства. Мужчины, женщины и дети спасались бегством, отчаянно пытаясь спрятаться от побоев, изнасилований и беспощадного огня. После этого хаоса окровавленные тела друзей и соседей были разбросаны по земле по всему гетто.

Я никогда не забуду 2 марта 1942 года. Это был ужасный погром. В этот день я последний раз видел свою старшую сестру Хану (13 лет) и моего младшего брата Бориса (5 лет). Их застрелили в гетто. Мама в этот день работала на расчистке дорог и погрузке вагонов на нацистском заводе. Меня и мою сестру Майю тоже должны были убить в этот день, но в это время нас не было в гетто. Еще до начала погрома мы выскользнули из гетто, ползком пролезли под колючей проволокой и спрятались в одном из русских кварталов. Казалось, жизнь не может стать хуже, но это случилось.

После погрома мы переселились в другой дом, на этот раз на улицу Танковую, недалеко от Юбилейной площади. Там в одной комнате скученно жили от двадцати до двадцати пяти человек. Мы спали на койке нижнего яруса. Эту койку мы делили ещё с мужчиной, женщиной и детьми. Людей в комнате было набито битком так плотно, что не было никакого личного пространства. Там мы жили до октября 1942 года. В течение этого времени в гетто было много погромов, но нам каким-то образом удавалось спасаться.

Однажды моя мама ушла на работу и больше не вернулась. Ходили слухи, что всю их рабочую смену погрузили в грузовики и увезли в Тростенец. В то время мы еще не знали, что такое Тростенец. Больше я никогда не видел свою маму. Мне было 12 лет, а моей сестре – 7 лет. Мы остались сиротами и думали, как выжить вместе.

Мы убежали из гетто и бродили по деревням, прося милостыню. Люди умирали от голода, и им было нечем поделиться с нами. Потеряв надежду, что нам кто-нибудь поможет, с наступлением зимы мы вернулись в гетто, потому что

негде было проводить холодные морозные ночи. Каждый день я оставлял сестру там и ускользал на поиски еды и партизан. Я ходил на станцию, где были солдаты, готовящиеся к отправке на фронт и которые могли дать мне помыть их тарелки и кастрюли, где оставались остатки еды. Я соскребал эти остатки и приносил домой сестре. Это скудное количество пищи было нашим спасением.

Однажды, когда я вышел из гетто, меня остановили два полицая. Один из них сорвал с меня шапку, увидел мои кучерявые волосы и сказал: « Ты, еврей, пошли с нами!». По пути в комендатуру один из них держал меня за воротник, чтобы я не смог убежать. В эти минуты я думал, что для меня уже всё кончилось. Я был на волосок от смерти, но... опять был спасен! По пути нам встретился немецкий офицер. Увидев, что меня волокут за шиворот, он спросил полицаев: «Куда вы ведете этого мальчика?». Они ответили ему по-немецки, что я еврей. Затем, насколько я понял, офицер сказал, то сам отведет меня в комендатуру. Недалеко от площади он указал на одноэтажное здание и сказал: «Это церковь». Офицер сказал мне идти туда и спросить такого-то пастора. К сожалению, после стольких лет я не помню его имени. Он оставил меня возле двери и ушел. На мой стук никто не открыл, так как дом был заперт. Спустя некоторое время я вернулся в гетто. Я так благодарен, что и среди оккупантов встретились люди, которые спасли мне жизнь.

Много раз, выходя из гетто, я был близок к смерти, но однажды все-таки наткнулся на партизан. Это были люди из отряда Пархоменко. Я рассказал им, кто я и откуда. Они приняли меня в свой отряд и дали задание. Мне нужно было вернуться в гетто, чтобы привести оттуда к ним в лес других людей и мою сестру... Выбравшись из гетто, избегая солдат, мы выскользнули из города и пошли лесами и болотами. Некоторые люди погибли по дороге, но большинство из них были спасены. Такие задания я выполнял неоднократно. Один раз

мне даже пришлось выводить из гетто группу в количестве тридцати человек.

Мы с сестрой оставались с партизанами до освобождения Минска.

Когда война закончилась, у нас не осталось ничего. Я потерял родителей, брата, сестру и почти все, что я знал и любил. Моя сестра Майя и я были разлучены. Она попала в детский дом №11 для девочек, а меня отправили в детский дом №12 для мальчиков. Никто из моих родственников из довоенного времени не остался в живых. Мой дедушка, Зендель Израэль, жил в Березино, но во время войны нацисты убили всю его семью. Когда я вырос, я ездил в Березино, надеясь, что смогу найти хоть какие-то следы моей семьи. Но там уже жили другие люди, и никто из них не знал моего дедушку. Мне ничего не оставалось, как прекратить поиски.

...Жизнь продолжалась. Я женился на моей дорогой Раечке, у нас родились дочки Лиза и Наташа. Потом родились внуки, правнуки...

В 1995 году, я встретил Стюарта и Шанталь Виноград и стал частью их ежемесячного собрания для переживших Холокост, где мы говорили о Боге, Библии и жизни.

На протяжении более двадцати лет Стюарт, Шанталь и их команда поддерживали меня, молились, помогали и согревали теплотой своих сердец. Их сердца были наполнены любовью Йешуа и они страстно желали, чтобы и мое сердце пережило Его любовь. Мои дочери Наташа и Лиза на протяжении многих лет молились за меня и рассказывали о Боге. Я читал разные духовные книги, которые мне давали. Читая Библию и размышляя о том, что там написано, я пришел к выводу, что Йешуа и есть Мессия для меня и моего народа.

Я примирился с Богом и принял Йешуа в своё сердце.

Когда я начал сражаться с раком и попал в больницу, Стюарт, Шанталь и их команда регулярно навещали меня, молились за меня.

Верхний ряд: племянник Дима со своей девушкой
Нижний ряд слева направо: правнучка Надя, внучка Таня с дочерьми Полиной и Настей, внучка Лена с детьми Давидом и Тимофеем, супруга Раиса, правнучка Люба, Лев Кравец, дочка Лиза, 2008 год

Лев Кравец с правнуками.
Слева направо: Кирилл, Даша, Надя, 2010 год

Раиса Кравец с правнучками:
Слева направо: Люба, Даша, Надя, Настя, 2010 год

Лев и Раиса с правнуками
Слева направо: Полина, Леша, Настя, 2015 год

Лев и Раиса с дочерьми:
Слева направо: Лиза 1950 г.р., Наташа 1958 г.р., 2012 год

Лев Абрамович Кравец с женой Раисой

Стюарт, Шанталь, Лев и Раиса
во время отдыха бывших узников гетто и нацистских концлагерей
в пансионате «Алеся»

Сегодня я борюсь с раком, но больше не борюсь в одиночку. Я окружен вниманием, теплом и заботой семьи и своих дорогих дочерей, а также безоговорочной любовью и поддержкой команды Стюарта и Шанталь. Даже когда я испытываю сильную боль, в моей душе мир. Я поднимаю руки и прославляю Агнца Божьего за то, что он пролил Свою кровь за меня. Находясь в больнице, я испытываю особенную близость с Йешуа и переживаю Его реальность.

Моя жизнь и жизни сотен других, таких как я, выживших в Холокосте, изменились благодаря деятельности Стюарта и Шанталь и Божьей любви, которую мы видели через их отношение к нам, а также команды Мессианской еврейской общины «Брит хадаша». Спасибо, что слушаете истории из нашей жизни и вспоминаете нас!

Враг отнял у меня почти всех моих родных. Но в итоге Бог благословил большой семьей: двумя дочерьми, тремя внучками и одиннадцатью правнуками.

Лев Абрамович ушел к Небесному Отцу 20 января 2018 года.

V

Есилевич Иосиф Ефимович

...нас погнали в направлении реки Днестр

Горькие утраты не обошли мою семью: моя двухмесячная сестренка, бабушка Слува, тетя Гита, дядя Мойша – все они погибли. Их хоронили в придорожной канаве...

Меня зовут Иосиф Ефимович Есилевич. Я родился 11 января 1933 года в местечке Сокиряны Черновицкой области на Украине.

Моя мать – Есилевич Рива Бенциановна (девичья фамилия Ламедман), отец – Есилевич Ефим Ильич. Жили мы на квартире, так как собственного дома у нас не было. Отец работал лесничим, а мама была провизором в аптеке. У меня был брат, который родился в 1934 году, и сестра, которая родилась прямо накануне войны. Родня у нас была большая, все жили дружно и недалеко друг от друга. Деда звали Беня или, как его ещё называли, Бенциан. Он был верующим и каждую субботу посещал синагогу. Дед работал лесничим, но каждую пятницу после обеда возвращался домой. Потом была баня и посещение синагоги. Бабушка Слува (она тоже была верующей) накрывала шаббатний стол. Собирались все родственники, в том числе и наша семья. Бабушку в местечке уважали, так как она была мудрой женщиной, и часто обращались к ней за советом.

Местность, где мы проживали – Буковина – принадлежала Румынии. Население было многонациональным: украинцы, румыны, евреи, русские – и говорили все, соответственно, на разных языках. Мы жили дружно, не зная притеснений по национальному признаку. В нашей семье говорили на украинском, русском, румынском, ну и, конечно, между собой – на идиш.

С установлением в 1939 году советской власти ничего не изменилось: для нас продолжалась мирная жизнь.

Первое сообщение о начале войны мы услышали от нашего родственника Бузи Немеровского – представителя советской власти. 22 июня 1941 года он, вооруженный, зашел к нам в дом и сказал, что началась война, а также, что мы отступаем, но скоро вернёмся. И тут началась паника: советская власть нас покидает! Пытаться бежать было поздно да и некуда. Румынские регулярные войска вошли и полностью взяли контроль над местечком. Сразу же поступило распоряжение,

что все евреи должны собраться на базарной площади. Район немедленно был взят под охрану, выйти из гетто мы уже не могли. Мы поселились в доме родителей жениха маминой младшей сестры. Там была наша семья и бабушка со своими детьми, всего шестнадцать человек. Жизнь проходила в страхе и унижениях... Мы постоянно испытывали чувство беспомощности и беззащитности перед вооруженными захватчиками. Румыны грабили, глумились, насиловали.

Через пару недель поступил приказ: всем выйти и построиться в колонны. Под охраной румын, которые были с собаками, нас погнали в направлении реки Днестр. Мы перешли мост и оказались в Винницкой области. Путь был долгим и трудным, многим он оказался не под силу. Люди умирали. Горькие утраты не обошли и мою семью: моя двухмесячная сестренка, бабушка Слува, тетя Гита, дядя Мойша – все они погибли. Для них та дорога оказалась "дорогой смерти"... Их хоронили в придорожной канаве...

Нас загнали в этот сарай, человек триста пятьдесят – четыреста, и мы пробыли там с осени 1941 до весны 1944 года. Людей было так много, что мы спали фактически друг на друге, и, конечно, многие умирали от голода. Хоронить не было возможности, поэтому трупы умерших лежали среди живых.

Нас пригнали в районный центр Бершадь, где за колючей проволокой было приготовлено большое гетто под охраной румын и украинских полицаев. Но нас там не приняли и погнали дальше до села Устье – это ещё двенадцать километров. Там был то ли скотник, то ли свинарник или коровник, тоже огороженный колючей проволокой. Туда приводили и другие группы евреев из разных местечек. Нас загнали в этот сарай, человек триста пятьдесят – четыреста, и мы прожили там с осени 1941 до весны 1944 года. Людей было так много,

что мы спали фактически друг на друге, и, конечно, многие умирали от голода. Хоронить не было возможности, поэтому трупы умерших лежали среди живых. Всего в гетто я потерял семнадцать родственников. Нас охраняли местные украинские полицаи – циничные, беспощадные, жестокие.

К весне 1944 года в живых осталось человек двадцать пять–тридцать и нас перевели в здание бывшего управления совхоза. Там условия были получше. Нас выводили на работу, иногда удавалось раздобыть кое-что из еды. Мы пробыли там до марта 1944 года, а перед самым освобождением, когда немцы отступали, нас чуть не уничтожили в том доме, где мы находились. Румыны ушли, к селу приближались немцы. Нас выручили местные жители: они заколотили окна и двери снаружи досками, и помещение приняло вид нежилого. На случай, если немцы будут стрелять по дверям и окнам, мы легли на пол и затаились, притихли. Немцы нас не заметили. Освободили нас партизаны и передовые части Красной Армии. Началась мирная послевоенная жизнь. Мне тогда было одиннадцать лет.

Всего в гетто я потерял семнадцать родственников. Нас охраняли местные украинские полицаи – циничные, беспощадные, жестокие.

По возвращении в Сокиряны горсовет выделил нам квартиру из двух комнат. Мама пошла работать в библиотеку, отца забрали в трудовую армию, я же в сентябре пошел во второй класс. У нас была русская школа-семилетка и украинская школа-десятилетка.

Я закончил семь классов в русской школе и перешел в украинскую десятилетку. После окончания школы я пробовал поступать на исторический факультет Черновицкого университета, но не прошел по конкурсу, хотя был одним из лучших учеников школы. На следующий год я поступил в Черновицкое военное училище, а через несколько лет

В пионерском лагере, 1945 год

учебы его расформировали и меня перевели в Харьковское гвардейское танковое училище.

По окончании училища я был распределен в Московский военный округ, где и проходила моя дальнейшая служба. В 1961 году во время военных учений я получил травму и после длительных лечений меня комиссовали на гражданку. Я приехал в Минск и поступил в Белорусский государственный университет на экономический факультет. Вечером учился, а днем работал на заводе имени Ленина.

Получив диплом БГУ, я был приглашен на преподавательскую работу в Институт иностранных языков на кафедру экономической теории. Это было в 1968 году. Позже я поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и в качестве кандидата экономических наук, доцента проработал в институте до выхода на пенсию.

В 1993 году под руководством Феликса Липского была создана организация «Ассоциация бывших узников гетто и нацистских концлагерей», где я занял активную позицию.

Иосиф со своей первой женой

Иосиф (справа) с братом Мишей

Иосиф (справа) с отцом Ефимом и братом Мишей

Иосиф Ефимович и его вторая жена Галина

В настоящее время я также являюсь председателем Международного общественного объединения «Жертвы Холокоста».

В середине 1990-х годов наша ассоциация познакомилась со Стюартом и Шанталь Виноград, которые оказались очень приятными, внимательными и обходительными людьми. Помимо оказания нам помощи, они также организовывали для нас вечера еврейских праздников. Наша дружба росла и крепла. Мы поняли, что это люди глубоко верующие и им можно доверять. С детства я знал, что Бог есть, – это мне привили мои бабушка и дедушка, а также родители. Во время нахождения в гетто, мы всегда пели гимн веры и надежды и верили, что Бог поможет нам спастись. Но благодаря дружбе и отношению Стюарта и Шанталь мы увидели любовь Бога в действии. Особенно это проявилось тогда, когда к нам домой от их имени стали приходить волонтеры и общаться с нами, помогать, молиться за нас.

Однажды со мной произошел такой случай. Мы были на выезде на базе отдыха «Алеся». Это было в мае 2017 года. Мы прекрасно проводили время отдыхая и общаясь. Ребята из общины «Брит Хадаша» показывали музыкальные номера и спектакли, а также молились и прославляли Бога. Один мужчина, его зовут Володя Бурый, спросил, что меня бес-

Слева направо: Иосиф Ефимович с женой Галиной, Стивом Сингли и Виталием Кондратом из общины «Брит Хадаша»

Слева направо: внуки Натан и Павел, сын Ефим. Внизу – правнуки

покоит. Я сказал, что сильно болят колени. Володя положил руки на мои колени и помолился во имя Йешуа. Во время молитвы я почувствовал, как по ногам пошло тепло и боль начала уходить. И потом перед всем собранием бывших узников я рассказал, что со мной произошло. Прошло уже около двух с половиной месяцев с того времени, и мои колени не болят, Бог исцелил меня тогда. Я очень благодарен Йешуа за общину и ее участие в нашей жизни.

Иосиф Ефимович ушел к Небесному Отцу 17 марта 2021 года.

VI

Каим
Лариса Григорьевна

Отец отправил мать со словами: «Иди в аптеку, возьми такие-то препараты». Это были яды. «Мы покончим жизнь, – говорил отец. – Ждать ночь, что будет дальше: сожгут или расстреляют – это немыслимо».

Я, Лариса Григорьевна Каим (Хват) родилась 28 февраля 1938 года. Когда началась война, мне шёл четвертый год. Но в воспоминаниях остались чувства ребёнка, который столкнулся со страшной трагедией войны, остались подробности о довоенной и послевоенной жизни витебской семьи.

В Витебск наша семья приехала в 1929 году. Отец, Григорий Борисович Хват, в молодости учился во Франции, там получил образование медика, а наши родственники, мамины и папины бабушки и дедушки, жили в Белостоке. Там, в Белостоке, судьба свела папу и маму – Ету Григорьевну. Рассказывая о Белостоке, родители вспоминали погромы, преследования евреев. Я не расспрашивала подробности, не вдавалась в исторические причины. Мне тогда было это неинтересно, о чём я потом сожалела, потому что многое прошло мимо меня.

За чаем в семье Хват, 1934 год.
Справа налево: мама Ета Григорьевна, племянница Лена,
папа Григорий Борисович, брат Дима, художница Фрадкина

Отец Ларисы –
Григорий Борисович Хват на
территории инфекционной
больницы в Витебске, 1958 год

Лариса (9 лет) с братом Димой
(19 лет) в Витебске, 1947 год

Мой отец был очень интеллигентный, культурный, образованный человек и, как многие интеллигенты, верил в светлое будущее, которое начали строить в Советском Союзе.

Вот с такой верой в будущее приехали мои родители в Советский Союз и поселились в Витебске. Профессионально папа был на очень высоком уровне. Он работал и участковым врачом, и заведовал поликлиникой.

Мама сидела дома с детьми. Нас у родителей было двое: я и мой брат Дмитрий – на десять лет старше меня. Он всегда был очень активный, подвижный.

Мой отец знал пять языков, мама играла на фортепиано. Она была профессиональным музыкальным работником. В Витебске в те годы жило немало интересных людей, интеллектуалов: музыканты, художники, врачи. Многие из них собирались у нас дома, и был очень интересный круг общения.

Летом 1941 года нас, как и всех, неожиданно застала война. Город опешил, был растерян, находился в каком-то страшном ожидании. Я хорошо помню, хотя мне ещё не было четырех лет, пустые магазины, безлюдные улицы. Мы с мамой зашли в какой-то магазин,где мне захотелось пирожное. Продавца не было, и мама говорит: «Бери». В первые июльские дни 1941 года, незадолго до фашистской оккупации города, было совершенно непонятное состояние и улиц, и жителей.

Началась эвакуация. Отца попросили представители горздрава: «Вы, доктор, в поликлинике подождите, имущество и лекарства сберегите, а имущество – это стулья да столы, и мы непременно за Вами заедем».

Разные люди были тогда и сейчас, разное начальство тогда было и сейчас, и, короче, отца забыли. И когда уже город горел, когда уже наши войска оставляли позиции, мама взяла инициативу в свои руки, и мы успели сесть в последний состав, отъезжающий с витебского перрона. Но вдруг отец сказал, что он что-то забыл и ему надо вернуться, и что позднее он нас догонит. Мать хорошо знала его преданность делу, которая присуща всем интеллигентам: дал слово, значит, оно должно быть выполнено. И когда папа ушёл, она нас выгрузила из состава, и мы пошли вслед за ним. Папа, конечно, был в своей поликлинике и проверял медикаменты, имущество. А город горел, Витебск бомбили... И когда уже было ясно, что ничего хорошего не будет, мама буквально заставила отца идти, сказав: «Дети погибают, а ты столы, стулья пересчитываешь, медикаменты проверяешь». И мы сели на какую-то баржу, которая отходила от пристани. Были две баржи, а впереди пароходик, который их тянул. Отплыли маленечко от Витебска под непрекращающимися немецкими налетами и бомбёжками. На первой барже медсестры надели одинаковые косыночки с красными креста-

ми, чтобы было видно, что они раненых везут, и думали, что это их спасёт. Но баржу разбомбили. Тогда капитан парохода сказал, что дальше не поплывёт и пускай каждый добирается, кто как может.

И мы пошли в сторону Смоленска. Эта дорога была ужасной. Я помню хорошо, что была жара. Мы шли налегке, несли только воду и самое необходимое. Папа, конечно, нёс свой портфель с документами. Впереди шла женщина, у которой было очень много детей: по-моему, девять. Она останавливалась через какое-то количество метров и под каждым кустом оставляла ребёнка. Очевидно, она уже была на грани, не понимала, что делает.

Впереди шла женщина, у которой было очень много детей: по-моему, девять. Она останавливалась через какое-то количество метров и под каждым кустом оставляла ребёнка. Очевидно, она уже была на грани, не понимала, что делает.

Вместе с нами отступали моряки, они были в тельняшках, и когда они увидели состояние моих родителей, сказали, что могут взять меня на руки и нести дальше. Я подняла страшный крик, но моряк взял меня на руки. Так мы шли: одной рукой я держалась за шею моряка, а другой – за шею мамы.

Мы прошли до Ильино, сейчас это посёлок в Тверской области. Дальше идти было уже невозможно, и мы там осели. Нас пустили в какой-то дом.

Сегодня, прожив большую жизнь, я делаю выводы, что доброты у людей тогда было больше. Папа работал в какой-то поликлинике, но очень скоро в Ильино пришли немцы. До сентября 1941 года мы ещё жили на свободе, если оккупацию вообще можно назвать свободой, а потом нас всех согнали в гетто.

Там было и местное еврейское население, и такие как мы, беженцы. Но у местных были какие-то минимальные запасы. А мы чужие... Началась борьба за выживание... Я помню, как брата Диму фашисты избивали, издевались. А ещё были полицаи, которые ни капли не отличались от фашистов, а может были даже и хуже. Как-то я с мамой стояла во дворе, мороз был очень сильный, прошёл немец и дал мне шоколадку. Я забыла, что это такое. А полицай тут же сообщил немцу, что я еврейка, хотя он и сам это видел. Я, конечно, спряталась за маму, шоколадку не взяла, потому что страх парализовал меня. Сколько раз нашего Димку гоняли то дороги чистить, то другие грязные работы выполнять. Ему было 14 лет. Даже в гетто это всё равно переходный возраст, и остаётся обостренное чувство человеческого достоинства. «Не буду, не пойду», – говорил он. И мама сразу начинала говорить: «Я пойду, я всё сделаю». И вот так несколько раз спасала его. Били всех подряд.

Я помню, как брата Диму фашисты избивали, издевались. А ещё полицаи, которые ни капли не отличались от фашистов, а может были даже и хуже.

Папа помогал как мог тем, кто был в гетто. Иногда пробирались в гетто русские люди и папа как врач помогал им. И они – кто кусок хлеба оставит, кто картошину, – может, благодаря этому мы и выжили.

Все кругом считали, что я умру от голода, дистрофии, болезней.

В лесах был партизанский отряд, командовал им Павлович Павел Павлович. Я была маленькая, но запомнила такое сочетание имени и фамилии.

В комендатуре были у партизан свои люди, об этом я узнала, естественно, после войны. Ночью папу забирали и он оказывал необходимую помощь партизанам. Они доставали

те медикаменты, которые он называл. Однажды папу забрали оказать помощь какому-то известному московскому артисту, который находился в этом партизанском отряде и был ранен. Папа туда поехал и простой пилой, продезинфицировав её, ампутировал ему ногу. Материал, которым зашивают, был, а вот анестезии нельзя было достать. Он очень много спирта влил ему, и раненый отключился. Кстати, этот эпизод потом брат прочитал в одной книге, но приписывали его студенту первого курса биологического факультета. И Дима возмутился, писал в редакцию. «Исправим, уточним», – сказали ему, но воз и ныне там. Этого партизана-артиста нельзя было держать в землянке, его поместили в дом к одной местной жительнице.

Однажды маму вызвали в комендатуру, а там были две большие очереди. Одна для тех, кто знал немецкий язык, а другая – для тех, кто не знал. Мама стала в очередь людей, которые знали немецкий язык. К ней подходит женщина и говорит: «Я вас прошу, скажите коменданту, чтобы он меня принял». Мама отвечает: «По какому вопросу?» И она рассказывает, что у неё, мол, партизан раненый прячется и так далее и тому подобное... Мама говорит: «Конечно, идите домой, я всё сделаю». Мама, конечно, ничего не сказала коменданту, но когда вернулась к нам, была очень сильно напугана.

Одна девушка, была очень красивая, немец её выпустил из сарая, она как горящий факел бежала, полицай её застрелил.

Очевидно, эта женщина всё-таки добилась аудиенции у коменданта, и назавтра все гетто было выставлено на расстрел на берегу Двины. Гетто находилось чуть дальше от реки, а людей построили на берегу в сильный мороз легко одетых.

Часть экзекуции уже была проведена. Мама говорила, что сожгли живьём в сарае людей. Одна девушка была очень красивая, немец её выпустил из сарая, она как горящий факел бежала, полицай её застрелил.

День короткий, близился вечер, в комендатуру привезли сено. Занялись разгрузкой, и по каким-то причинам отложили расстрел до утра.

Глубина этих ночных переживаний для меня была неприемлемой и в силу моего возраста непонятной до конца. Но я чувствовала ту атмосферу, которая царила в бараке. Все прощались друг с другом, подводили жизненные итоги.

Пробралась к нам одна русская женщина, которую папа лечил, и говорит: «Я не могу спасти всех, но Лорочку отдайте мне и Диму. Как мои будут, так и ваши». Димка сразу заартачился и я тоже. Отец сказал в ответ: «Значит, так тому и быть. Как всем, так и нам». Рядом в Ильино была разгромленная аптека, но какие-то лекарства там все-таки остались. Отец отправил мать со словами: «Иди в аптеку, возьми такие-то препараты». Это были яды. «Мы покончим жизнь, – говорил отец. – Ждать ночь, что будет дальше: сожгут или расстреляют – это немыслимо». Мама пошла. Аптекарь был из фашистов, только наших, местных. Он сказал: «Что, легкой смерти захотела, жидовская морда? Помучаешься». Мама пришла ни с чем. «Значит, будем принимать ту судьбу, которая есть», – сказал отец.

Конечно, никто не спал, был ужас: и плач, и истерика. В шесть часов утра, раздалась стрельба, крики и все стали готовиться к худшему, стали прощаться.

Конечно, никто не спал: был ужас, плач и истерика. В шесть часов утра раздалась стрельба, крики и все стали готовиться к худшему, стали прощаться. И вдруг слышим крики: «Свои, свои!». Оказывается, те, что сено привезли для немецкой комендатуры, были партизанами, которые имели связь с передовыми частями Крас-

ной Армии. И это была продуманная операция. Вот так мы были спасены. За эту ночь родители стали совершенно седые. Да, пуля нас не настигла, но и бесследно это не прошло. Детской психике была нанесена тяжелейшая травма, которая оставила свой отпечаток и тяжелым грузом легла на всю жизнь.

Это было в январе 1942 года. В Ильино никто из евреев не знал, почему их выставили на расстрел, и никто не знал, как они были спасены...

Когда была военная операция по освобождению узников гетто, какой-то немец был ранен, истекал кровью, и мой отец начал оказывать ему помощь. Евреи говорили ему: «Что ты делаешь!? Он хотел расстрелять твою семью, а ты ему помогаешь!» Но отец до мозга костей был врач. Он ответил, что расстреливал его фашист, а он человеку помогает. Вот настолько в нём естественно жила клятва Гиппократа: это была не просто клятва, она была его сутью.

В Ильино отец остался работать врачом, а нас эвакуировали в Чувашию. Когда освободили Витебск, отец вернулся в город и вызвал нас.

Нас поселили в морге. Я не знала, что это морг, только потом случайно услышала об этом. А тогда я говорила: «Как хорошо, нальёшь на пол воду, она замерзнет – и катаешься».

Отец работал где-то до 70-х годов. Он умер в 1976 году. Когда он уже не работал, к нему всё равно приходили люди и просили: «Помогите». Он говорил: «Да я плохо слышу, я уже пожилой человек». Но его просили – и он соглашался. Он был прекрасный диагност. У меня остались в памяти его очень длинные тонкие пальцы. Не было же тогда УЗИ, а он прикладывал пальцы к спине человека, простукивал и говорил: «У вас в этой части легкого воспалительный процесс».

Когда отец умер, на прощальной панихиде благодарные пациенты зачитали стихотворение, написанное в память о папе:

Памяти лучшего друга

Не стало Вас, нас лучший друг,
И как померкло всё вокруг...
Уж не увидеть вновь и вновь
Улыбку Вашу и любовь.

Но с нами будет навсегда
Ваш образ ясный, светлый, как слеза,
Как слёзы, что льются из очей
Всех Ваших лучших друзей.

Лечили Вы наших отцов и матерей,
Лечили нас и наших маленьких детей,
И не забыть нам этого вовек,
Как и Вас – самый человечный человек!..

Я с отличием окончила педагогический институт, два года работала в Бегомле в школе-интернате, а потом всю свою жизнь – в Витебском педагогическом институте (ныне – Витебский государственный университет) на биологическом факультете. Защитила кандидатскую диссертацию и вела такой предмет, как «Систематика».

Мы, люди, пережившие страшные события, которые вызывают боль и ужас, никогда не вычеркнем из памяти ни одной страницы из своей жизни. Мы помним, мы никуда не денемся от своей памяти. Страх, боль, унижение, стрессовые ситуации на грани жизни и смерти достались нам, людям двадцатого века. Рождённые в двадцать первом веке обязаны это знать, чтобы такая трагедия больше никогда не повторилась.

«Теплые объятия».
Нина Сельченок из общины «Брит Хадаша» в гостях
у Ларисы Григорьевны и ее мужа Леонида Нотовича (Витебск, 2018 год)

Избавление моей семьи от этого ужаса – редчайший случай в истории Холокоста. В нём я вижу Божий промысел, но в советское время, время оголтелой антирелигиозной пропаганды, мы об этом могли говорить только шепотом и самым близким людям, а зачастую просто анализировать и думать. Но в наших мыслях ничего другого не возникало – только Божья помощь!

15 лет назад судьба свела меня с мессианским раввином Стюартом Виноградом и его женой Шанталь. Эти люди произвели на меня сильное впечатление. Спустя некоторое время я и другие бывшие узники Витебска более тесно сблизились со служителями минской Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша». Мы также провели совместный выездной незабываемый отдых в пансионате «Алеся» недалеко от Минска. Это было удивительное время радости, позитива и дружеского общения.

Это тесное общение и молитвы сделали наши мысли о Божьем спасении более убедительными. Мы узнали, что Иисус – это на самом деле Йешуа, еврей, Мессия Израиля и наш Спаситель, который любит свой народ. Теперь наше спасение обрело своё подтверждение. Наша дружба с общиной приносит нам радость жизни. Одна из членов общины, Нина Сельченок, часто приезжает к нам, преодолевая большие преграды, привозит подарки, молится за нас.

В 2017 году Нина у меня дома проводила пасхальный седер. На этом седере мы с мужем, чудом выжившим в блокаду, заключили Завет с Богом, Который сохранил нам жизни, и приняли Йешуа в своё сердце. Я начала читать Библию и молиться Йешуа.

Наша дружба с Ниной и членами общины продолжается и по сей день.

Мы, пережившие ужасы войны, благодарим всех наших друзей за внимание, тепло, заботу, доброту, которые исходят от каждого из них и которых нам так недоставало. Мы благодарны Стюарту и Шанталь Виноград, общине «Брит Хадаша» за то, что они поддерживают веру в Йешуа и надежду, которые зажгли в наших сердцах.

Мы чувствуем поддержку, и это для нас – спасительная соломинка, позволяющая нам держаться в людском водовороте.

VII

Бугаева
Елена Михайловна

О своей семье
в довоенное
время я,
к сожалению,
ничего не знаю.

Мне было
меньше года,
когда началась
война.

В первый год войны мы вместе с мамой оказались в гетто в городе Минске. Это было летом 1941 года. Мне было около восьми–девяти месяцев. Очевидцем нашей трагедии стала белорусская женщина Лобатова Вера. Она рассказала, как во время очередного погрома людей построили в колонну и вели расстреливать.

Вдруг из колонны выбежала молодая женщина с ребенком на руках и бросилась в ближайший двор, но конвоир ей вслед открыл автоматную очередь. Женщина упала замертво, подмяв под себя ребенка, то есть, меня. Лобатова Вера была ошеломлена происходящим, и когда колонна прошла, подошла к лежащей женщине, услышав тихий плач ребенка. Она вытащила меня из-под умершей мамы и увидела, что я была ранена в правое плечо. Текла кровь. Она положила меня в хозяйственную сумку и вынесла из гетто. У Веры было трое своих детей, поэтому оставлять у себя еврейского ребенка, тем более нуждающегося в медицинской помощи, было небезопасно для всех.

...конвоир ей вслед открыл автоматную очередь. Женщина упала замертво, подмяв под себя ребенка, то есть, меня...

Лена Бугаева в детстве

Тогда она, зная врача, Янушевич Варвару Макси-

Приемная мама Лены –
Янушевич Варвара Максимовна

Лена
вместе с приемной мамой

мовну, которая в свое время еще до войны лечила ее детей, отнесла меня к ней в больницу, надеясь, что та поможет. Так оно и вышло.

Работала Варвара Максимовна врачом в инфекционной больнице в городе Минске по улице Кропоткина. Немцы боялись инфекции и поэтому в больницу не заходили. Она меня вылечила, и когда я выздоровела, забрала к себе. У Варвары Максимовны и Михаила Федоровича не было своих детей, и они очень привязались ко мне и воспитывали как родную дочь. Когда Минск был освобожден, они в 1944 году уехали из города в Гродненскую область, чтобы никто не мог раскрыть тайну появления в их семье еврейского ре-

У Варвары Максимовны и Михаила Федоровича не было своих детей и они очень привязались ко мне и воспитывали как родную дочь.

Елена Михайловна Бугаева с приемной мамой

бенка. Мои приемные родители часто меняли место жительства по Гродненской области (Белица, Сопоцкино, Скидель), поскольку очень боялись, что откроется моя тайна. Политическая обстановка в стране была очень напряженной: антисемитизм, репрессии, преследования (дело врачей и т. п.). Официально удочерить меня было невозможно. Если бы обо мне узнали, то забрали бы в детский дом. Лишь в 1949 году, спустя пять лет после войны, на селе в сельсовете по договоренности мои приемные родители выписали мне свидетельство о рождении, дав свою фамилию, новое имя и отчество. На протяжении всей жизни эти замечательные люди спасшие мне жизнь ни разу не дали повода усомниться в их любви и заботе обо мне. Я получила хорошее воспитание, высшее образование только благодаря моим приемным родителям, которые заменили мне родных, за что очень им благодарна.

Сейчас у меня своя семья. Дочь Марина в свое время окончила политехнический институт, внучка Катя со своей семьей живет в Израиле, внук Сева учится в школе. Все

они верующие и живут с верой в Господа в душе. В жизни у меня сложилось все хорошо. Анализируя все происходящее со мной, я твердо знаю, что только Отец, Сын и Дух Святой спасли меня, только Йешуа лично вырвал меня из этого ада, послав замечательных людей для спасения! Меня все время по жизни окружают верующие люди.

Ниже хотелось бы сказать несколько слов о моих приемных родителях-белорусах. Янушевич Варвара Максимовна – верующая, росла в семье священника. Янушевич Михаил Федорович учился в свое время в духовной семинарии в городе Загорске. Оба удостоены звания «Праведник народов мира». Я убеждена, что мое спасение не случайно – всё от Господа Йешуа! С благодарностью Богу хочу отметить, что постоянно на моем пути встречаются люди, преданные Йешуа.

Я познакомилась и близко подружилась с общиной «Брит Хадаша». Благодаря этому я смогла больше узнать о корнях своей веры, о Библии, о еврейских праздниках. Когда я встре-

На праздновании дня рождения Елены Михайловны, 24.07.2021 года, Дочь Марина, 1962 г.р., внук Севастьян, 2006 г.р.

Елена Михайловна Бугаева с Анной Верещаг
из общины «Брит Хадаша» на Галилейском море, 2019 год

чаюсь и общаюсь с членами общины, я чувствую радость, спокойствие в душе. Это общение также укрепляет мою любовь к Йешуа. Каждая встреча с общиной – это праздник для меня и очередная встреча с Господом. Я с трепетом готовлюсь к каждой встрече, черпаю в них вдохновение, и Слово Божье открывается для меня глубже. Моя благодарность Богу и Господу Йешуа бесконечна.

VIII

Мысов Александр Георгиевич

...гестаповцы
с собаками
окружили
наш дом и
арестовали всю
семью...

...кто-то
из соседей
сообщил им,
что наша семья
еврейская...

...их всех
расстреляли в
Полыковичах...

Александр 1925 г.р.,
сестра Тамара 1927 г.р. и сестра Зоя 1924 г.р.

Меня зовут Мысов Александр Георгиевич. Родился я в городе Могилеве 24 октября 1925 года в еврейской семье, состоящей из семи человек. Отец семейства – Мысов Георгий Иванович, мать – Мария Дмитриевна (из религиозной еврейской семьи), я, три моих сестры – Зоя, Тамара и Лариса, бабушка – Певзнер Александра Яковлевна. Вся моя семья была очень музыкальной. Мы играли на разных инструментах и пели. Выступления нашего семейного ансамбля часто транслировали по Могилевскому радио.

Когда меня предупредили об облаве, я переплыл Днепр и скрылся у добрых людей. Семья, состоящая из трех женщин, прятала меня в подвале с постоянной угрозой для своей жизни.

Был жаркий летний день, когда все услышали об объявлении войны. Тогда мне было 16 лет. Я уже учился в музыкальном училище по классу скрипки и играл

в оркестре... Как-то после репетиции, возвращаясь домой, я встретил своего двоюродного брата. Он бежал мне навстречу и кричал, чтобы я не возвращался домой. Как оказалось, гестаповцы с собаками окружили наш дом и арестовали всю семью. Кто-то из соседей сообщил им, что наша семья еврейская. Больше никого из своих родных я не видел. Намного позже мне стало известно, что их всех расстреляли в Полыковичах (поселок недалеко от Могилева).

Когда меня предупредили об облаве, я переплыл Днепр и скрылся у добрых людей. Семья, состоящая из трех женщин, прятала меня в подвале с постоянной угрозой для своей жизни. Гестаповцы с собаками очень активно разыскивали меня и устраивали постоянные облавы. Семья, которая меня скрывала, всячески заботилась обо мне, проявляя большое милосердие. Прятали меня в подвале около пяти месяцев, до осени 1942 года. Осенью мне помогли тайно переправиться с некоторыми молодыми ребятами в партизанский отряд.

Дважды, в 1942 и в 1944-м годах, я пересекал с разведчиками линию фронта с угрозой для жизни. В то время не было раций у партизан и разведчиков, неоднократно мы налаживали связь с Большой землей. На это могло уходить до семи месяцев.

Будучи разведчиком, в октябре 1942 года я ушел с другими партизанами за линию фронта. Прошли Белыничский, Могилевский, Круглянский, Шкловский районы, Смоленскую область... Под Москвой были две недели, а вернулись к первому мая 1943 года.

В девятнадцать лет меня назначили командиром разведки партизанского отряда. Был дважды ранен. Моя левая рука стала короче, и я больше не смог играть на скрипке. В девятнадцать лет, получив тяжелое ранение, истекая кровью, я умирал в лесу возле болота. Меня заметили с самолета санавиации и отвезли в военный госпиталь. Во время войны на

таких самолетах вывозили раненых. Врачи сказали, что от такой потери крови обычно не выживают. Это было вторым чудом в моей жизни после спасения меня белорусской семьей. С войны я вернулся инвалидом 2-й группы.

До ранения, в июле 1943 года, я руководил группой во время подрыва водонапорной башни на станции Могилев-1, участвовал в разгроме фашистских гарнизонов в Белыничах и Пашково, в пуске под откос вражеского поезда. Был награжден орденом Отечественной войны и Красной Звезды, получил медаль «Партизану Отечественной войны». После тяжелого ранения в 1944 году вернулся в уже освобожденный Могилев.

Мне хотелось разыскать предателя своей семьи, чтобы посмотреть ему в глаза и попытаться понять, почему он так поступил. Переступив порог его дома, я увидел печальную картину: этот человек предстал передо мной жалким, страдающим от неизлечимой болезни. В тот момент во мне не было ни мести, ни ненависти. Мне стало его жаль.

Мне очень хотелось разыскать предателя своей семьи Чмерикова, но увидев, как мучительно он умирал, я пожалел его. В тот момент во мне не было ни мести, ни ненависти. Мне стало его жаль.

В сердце моем горело желание найти семью, которая спасла меня от смерти. Дом, где они укрывали меня, был сожжен дотла, как и все остальные дома на этой улице. С большим трудом я отыскал своих спасителей. Их приютили добрые люди. Встреча была полна радостных слез и непередаваемых эмоций. Между дочерью моих спасителей и мной родилось большое светлое чувство. В августе 1945 года мы поженились. У нас с Марией родилось три дочери: Светлана, Тамара и Лариса. Всевышний восполнил мою потерю трех сестер тремя дочерьми.

Александр Мысов с женой Марией

Слева направо: Мария и Александр Мысовы с дочерьми Светланой, Тамарой и Ларисой, 1957 год

Городской самодеятельный ансамбль, город Могилев, 1939 год.
Александр Мысов – третий слева в нижнем ряду

Последующие десятилетия я решил посвятить любимому делу всей жизни – музыке, стал одним из лучших аккордеонистов в городе. В течение сорока пяти лет, начиная с 1944 года, преподавал в музыкальном училище, руководил хоровыми коллективами и капеллами. Я горжусь тем, что плоды моих трудов запечатлены на страницах энциклопедического справочника «Могилев», вышедшего в 1990 году. Одна из капелл получила звание «народной» (1977 год). Другая капелла, состоящая из работников медицины, стала лауреатом Всесоюзных конкурсов и фестивалей. Также я горжусь своими учениками – исполнителями и педагогами, окончившими Могилевское музыкальное училище.

Мое любимое дело продолжили не только дочери, но также внуки и правнуки.

Александр Георгиевич с внуком Александром 1968 г.р.,
сыном дочери Светланы. Фото 1988 года.

Александр Георгиевич празднует Новый год с семьей.
Вверху слева направо: дочери Лариса и Тамара, внуки Юля, Катя, Дима.
Внизу слева направо: правнуки Филипп и Давид, 2006 год

Мое любимое дело продолжили не только дочери, став профессиональными музыкантами, но также внуки и правнуки. Я был тронут, когда один из моих правнуков Давид сам решил учиться играть на скрипке. Став скрипачом, он исполнил мою мечту, ведь из-за ранения я не смог больше взять скрипку в руки.

Подобно тому, как до войны для людей звучала музыка моих погибших родителей и сестер, сегодня продолжает звучать и музыка моих потомков.

Я часто приезжал в Минск и участвовал в концертах и выступлениях вместе с дочерью, внучкой и правнуками. Мы с радостью играли и для бывших узников гетто и концлагерей в Минске. Здесь же я впервые посетил общину «Брит Хадаша» и познакомился с ее основателями Стюартом и Шанталь Виноград, а также с некоторыми членами общины. Они иногда посещали меня в Могилеве. Наша дружба крепла год от года, и во многом благодаря этому знакомству я решил вернуться к своему духовному наследию, пригласив в свою жизнь обещанного Мессию Израиля – Йешуа. Я понял, почему Бог сохранил мне жизнь: чтобы вся моя семья служила Ему!

В феврале 2015 года Александра Георгиевича не стало, но песня его семьи продолжает звучать через голоса и инструменты его дочерей, внуков и правнуков.

Спасшим Александра Мысова белорусским женщинам – Титовой Ксении, ее дочери Домбровской Евгении, внучке Мысовой Марии (жене Александра) присвоено звание «Праведник народов мира» посмертно в 2016 году на заседании комиссии, созданной при национальном институте памяти Катастрофы и героизма Яд Вашем. Их имена высечены на Стене почета в Алее праведников Яд-Вашем.

Александр Георгиевич Мысов ушел к Небесному Отцу 18 февраля 2015 года.

IX

Наймарк Раиса Самуиловна

Немцы пришли к нам домой, разграбили все, а нас поселили в гетто.

Однажды утром приехала полиция, забрала папу.

Позже мы узнали, что он погиб в Освенциме.

Меня зовут Раиса (Ревекка) Самуиловна Наймарк. Родилась я 3 марта 1933 года в пригороде Могилева.

Когда началась война, мы с родителями и младшей сестрой сразу хотели эвакуироваться, но не успели. Немцы пришли к нам домой, разграбили все, а нас поселили в гетто на Дубровенке. Это было в сентябре 1941 года. Гетто огородили колючей проволокой, а нам всем приказали носить на одежде желтые звезды. В маленьком деревянном домике нас жило очень много, негде даже было присесть. Есть было нечего. Каждый выживал как мог. Моя мама не очень была похожа на еврейку, поэтому иногда она выбиралась из гетто и добывала нам что-нибудь поесть.

Однажды утром приехала полиция и забрала папу. Больше мы его не видели. Позже мы узнали, что он погиб в Освенциме.

Поздней осенью того же года в гетто прибыли машины и всех начали грузить. Началась паника, стоял вопль. Одну машину людей увезли, как оказалось, на расстрел. Мы попали в ту, которая привезла нас в лагерь на заводе им. Димитрова. Мама подошла к немцу и сказала, что она русская, что у нее муж еврей, и попросила нас отпустить. Как ни странно, но нас отпустили. Мы пошли на свое старое место. Там все было разграблено. Нас снова схватили и привезли в тот же лагерь. Я увидела большую кучу одежды, среди них были и бабушкины вещи. На меня напал страх, я стала кричать, что не хочу умирать, вырвала у мамы из рук бутылочку французских духов (мама их нюхала, так как была беременна) и понесла ее немцу. Подошла мама

Я увидела большую кучу одежды, среди них были и бабушкины вещи. На меня напал страх, я стала кричать, что не хочу умирать, вырвала у мамы из рук бутылочку французских духов (мама их нюхала, так как была беременна) и понесла ее немцу.

и снова сказала, что она русская и попросила отпустить. Мама также сняла и отдала ему сережки, и тогда он вывел нас через другой выход. Мы пошли к нашим родственникам Гусаревичам и остались у них. Осенью 1942 года маму снова схватили, потому что кто-то донес, что она еврейка. Ее долго допрашивали, но она упорно стояла на том, что она русская. Когда ее отпустили, она с младшей сестрой ушла к партизанам, а меня оставила на попечение у тети Матрены, пообещав ей хлеб и соль.

Осенью 1942 года маму снова схватили, потому что кто-то донес, что она еврейка. Ее долго допрашивали, но она упорно стояла на том, что она русская. Когда ее отпустили, они с младшей сестрой ушли к партизанам, а меня оставили на попечение у тети Матрены...

Первое время так и было, но потом связь с партизанским отрядом, где была моя мама, прервалась. Постепенно тетя Матрена стала пускать меня в свой сарай только на ночь, так как очень боялась немцев. Позже деревню спалили, меня тогда там не оказалось. Везде стреляли. Я в страхе бежала по лесу и наткнулась на русских солдат. Они отогрели меня и отвели к Гусаревичам. Там я встретилась с мамой и сестрой. Солдаты пошли освобождать Могилев. Война заканчивалась.

Позже деревню спалили, меня тогда там не оказалось. Везде стреляли. Я в страхе бежала по лесу и наткнулась на русских солдат. Они отогрели меня и отвели к Гусаревичам. Там мы встретились с мамой и сестрой. Солдаты пошли освобождать Могилев. Война закончилась.

Нужно было жить дальше.

Я пошла учиться. Так сложилась судьба, что сестра уехала в Эстонию, а я осталась в Беларуси. Позже вышла замуж. В 1957 году я окончила Могилевское педагогическое училище. Во время учебы одним из моих преподавателей был Вольф Мессинг. Его лекции оказали большое влияние на мое мировоззрение. Так как во времена СССР вера в Бога была под запретом, я больше стала размышлять о сверхъестественном, о смысле жизни. Библия была запрещена, но жажда познания истины (неосознанно) толкала к чтению большого количества различной литературы. Вначале я работала по распределению воспитателем в детском саду в Минске. Затем свой трудовой путь я продолжила, работая в суде.

Когда я познакомилась с верующими людьми из Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша», то уже жила одна.

Раиса Наймарк (слева) с подругой во время учебы в Могилевском педагогическом училище, 1956 год

Раиса Самуиловна и Татьяна Гамбург из общины «Брит Хадаша» вместе с иностранными друзьями Тревором и Далин

Муж умер, детей у нас не было. Сестра Вера уже давно жила в Эстонии и в связи с развалом СССР общение с ней осталось возможным только по телефону. Я была очень рада новому знакомству.

Мне подарили Библию, и я стала читать эту Книгу с большим интересом, отложив все остальные книги в сторону. Мне нравилось рассуждать на библейские темы. Конечно, у меня всегда было много вопросов по Священному Писанию, но в итоге я осознанно приняла Йешуа своим Господом и Спасителем.

Однажды мы вместе с моими друзьями из общины молились за мое исцеление, так как у меня в тот момент сильно опухли ноги. Сразу не произошло ничего особенного, но я верила и ждала улучшения. В три часа ночи я неожиданно проснулась и стала молиться, энергично похлопывая пальцами рук по ногам. Это продолжалось довольно долго. Я

Татьяна Гамбург из общины «Брит Хадаша»
помогает Раисе Самуиловне с ремонтом квартиры

поняла, что это меня коснулся Дух Святой, так как была уже научена моими друзьями из общины. После окончания молитвы я почувствовала легкость, радость и, посмотрев на свои ноги, я увидела, что они здоровы и опухоль сошла! Я благодарила Всевышнего за это чудо, понимая, что Бог реальный и Он отвечает на наши молитвы.

После этого случая я твердо верю в Бога и благодарю Его, за что Он хранил меня всю жизнь и нашел, когда мне было уже более восьмидесяти лет.

Раиса Самуиловна Наймарк ушла к Небесному Отцу в марте 2017 года.

X

Дикушин Анатолий Михайлович

7 ноября 1941 года прошел первый погром в гетто. Все родственники с маленькими детьми были загнаны в машину и увезены на расстрел.

Мы с матерью успели спрятаться и чудом спаслись.

Меня зовут Дикушин Анатолий Михайлович. Я родился 24 июля 1929 года в городе Вольск Саратовской области.

В 1941 году наша семья после перевода моего отца, Дикушина Михаила Семеновича, который был военнослужащим, переехала в город Минск. Мать моя, Дикушина Серафима Рафаиловна (до замужества Серафима Крапчан) – еврейка по национальности, родилась в городе Минске в 1905 году.

В первые дни войны дом, в котором мы проживали, был разрушен. После оккупации города и выхода приказа коменданта нас вместе с родственниками матери согнали в гетто. Мы проживали на улице Немиге в небольшой комнате, где размещалось человек тридцать. Из-за перенаселения спать приходилось на полу и под кроватями. Многие начали болеть.

7 ноября 1941 года прошел первый погром в гетто. Все родственники с маленькими детьми были загнаны в машину и увезены на расстрел. Мы с матерью успели спрятаться и чудом спаслись. Утром появились немцы. С криком и выстрелами погнали оставшихся в живых по улице Островского вверх на Юбилейную площадь. До начала зимы 1941 года у нас не было постоянного пристанища. Ночевали где и как придется. Мы могли просто умереть на улице, если бы нас не приютила женщина – хозяйка частного дома по улице Заславской. Ее дом до предела был забит евреями, оставшимися в живых после первого погрома. Ежедневно слышалась стрельба, а в доме стоял плач детей и женщин. Мы все ждали смерти.

Шла зима 1941 года. Я бегал на вокзал, где можно было найти что-нибудь съестное. Одежду находили и собирали в домах расстреляных. Маму в числе других женщин-евреек гоняли на работу в котельную Дома правительства.

Второго марта 1942 года был очередной погром. Это был страшный погром. Всех людей согнали на Юбилейную площадь и погрузили в машины. Тех, кто не мог забраться в машину, расстреливали на месте. В тот день погибла хозяйка

и все обитатели ее дома. Нам и в этот раз удалось спастись. Повторились ужасные скитания в поисках хоть какого-нибудь пристанища. Постоянное недоедание и стрессовые ситуации привели мою маму к болезни, а 28 июля 1942 года ее схватили и расстреляли. В этот день я с самого утра был в русском районе. Кормились как попало и где попало: на станции, на мусорках, приворовывали. Ночевать ходили в пустующие здания бывшего еврейского района, который от погрома к погрому уменьшался. Многие утром уже не вставали, а умирали в тряпье.

Постоянное недоедание и стрессовые ситуации привели мою маму к болезни, а 28 июля ее схватили и расстреляли

В августе 1942 года на Немигском переулке меня сбила машина, в результате чего с переломом ноги я оказался в больнице. Потом меня направили в детский дом-приемник. Условия содержания детей в приемнике были совсем неподходящими для сколько-нибудь сносного проживания. Мало того что кормили нас не каждый день, так и спать приходилось не раздеваясь, поскольку в помещении была нулевая температура и ветер заносил в комнаты снег.

В начале 1943 года меня, еще больного и плохо передвигавшегося, направили в другой детский дом, который находился по Красивому переулку. Всех детей принимала сама заведующая Вера Леонардовна Спарнинг. Прежде всего я обратил внимание на то, что в этом детском доме у многих детей была еврейская внешность. Практически каждый из этих детей видел смерть своих близких, своей мамы.

Хочу сказать, что риск присутствовал во всей деятельности директора на протяжении всего периода оккупации. Во время облавы, проводимой фашистами, некоторых детей укутывали и укладывали в постель, а других отводили в замаскированный погреб. Директор приглашала священ-

ника. Это, по ее мнению, способствовало установлению хорошей атмосферы среди детей. Для улучшения быта детей Вера Леонардовна на территории детского дома организовала работу сапожной мастерской, где старшие дети под руководством мастеров занимались ремонтом обуви, а окрестное население расплачивалось продуктами. Вот так мы и жили в ожидании освобождения.

...в этом детском доме у многих детей была еврейская внешность. Практически каждый из этих детей видел смерть своих близких, своей мамы...

После освобождения в 1944 году по свежей памяти я подсчитал, что в нашем детском доме было тридцать шесть еврейских детей, и все они были спасены Верой Леонардовной.

После окончания войны нужно было жить дальше несмотря на тяжелые воспоминания. Я остался в Минске, женился. Родилось двое детей.

Во время прохождения воинской службы. Анатолий (справа) с другом

Дикушин Анатолий Михайлович

В середине 90-х годов я познакомился со Стюартом и Шанталь Виноград. Их Мессианская еврейская община «Брит Хадаша» сотрудничала с ассоциацией «Бывшие узники гетто и нацистских концлагерей», поддерживала духовно и материально. Мы вместе собирались на библейские еврейские праздники. Постепенно вера в Бога стала оживать и крепнуть во мне. Личные беседы и совместные молитвы открыли мое сердце и сердце жены для принятия Божьей любви.

Во время прохождения воинской службы. Анатолий – 5-й слева, в центре

Анатолий Михайлович с супругой Марией
и Юлией Цирлиной из общины «Брит Хадаша»

Мы приняли Йешуа нашим Господом и Спасителем. Частенько я бывал на Шаббате, где мог вместе со всеми славить Бога, слушать Слово и утверждаться в вере. Я благодарю Бога за то, что Он хранил меня, спасал не один раз и дал мне большую семью.

Анатолий Михайлович ушел к Небесному Отцу в декабре 2017 года.

XI

Петрова Лидия Александровна

В июле 1941 года нас всех переселили в гетто, где мы были вынуждены жить в нечеловеческих условиях.

Там я потеряла своих маму и папу, когда мне было три года.

Меня зовут Петрова Лидия Александровна.

Родилась я в Минске 2 января 1938 года.

О своей довоенной жизни не могу рассказать, поскольку ничего не помню. Знаю, что войну мы с родителями встретили в Минске. В июле 1941 года нас всех переселили в гетто, где мы были вынуждены жить в нечеловеческих условиях. Там я потеряла своих маму и папу, когда мне было три года. В гетто был детприемник, и меня, больную и слабую, отправили в детский дом №2 по улице Красивой. Еврейских детей там прятали, а тех, кого внешность не особо выдавала, крестили. По субботам и воскресениям мы бегали в церковь. К нам приезжали машины, которые увозили детей. Обратно никто не возвращался. Позже я узнала, что это были душегубки. Уже не помню подробностей, но однажды меня и еще нескольких детей увели и посадили в темную комнату. Оказалось, что нас тогда спрятали от смерти. Теперь я понимаю, что это был Бог.

К нам приезжали машины, которые увозили детей. Обратно никто не возвращался. Позже я узнала, что это были душегубки.

После одной из бомбежек наш детский дом был разрушен. Воспитатели вывесили объявление с просьбой забрать детей в семьи хотя бы на время. Меня никто не хотел брать, потому что я была больная и вшивая. И все-таки на время меня взяла семья железнодорожников, за что я им благодарна. Так я пережила войну.

В 1945 году после окончания войны нас распределили по разным детским домам города Минска. Меня определили в детский дом № 7 для детей, чьи родители погибли во время войны.

Воспоминания о военном времени и моей жизни в детском доме во время войны не покидают меня и теперь, вызывая страх и ужас.

XI. Петрова Лидия Александровна

Детский дом № 7

Детский дом № 7 для детей погибших родителей

Детский дом № 7.
Лида в центре с бантиком под плакатом «Режим дня»

Лида Петрова.

После войны снова нужно было как-то выживать самой. Ведь я была одна. Закончив 7 классов, я хотела поступить в консерваторию. Но из-за отсутствия финансов учиться в консерватории у меня не было возможности, и меня послали учиться в город Ригу в ремесленное училище на швейную специальность. По окончании ремесленного училища (1956 год), послали работать в Сибирь в город Ленинск-Кузнец-

Лидия Петрова с мужем Александром и дочерью Татьяной

кий. Там я вышла замуж и родила двоих детей: девочку Таню и сына Вову. Муж сказал, что надо учиться дальше, и я поступила и окончила медицинское училище. В 1973 году в шахте погиб мой муж. После его гибели я переехала на север в город Магадан. Много работала и воспитывала детей. Работала в рентген-кабинете, там познакомилась со своим вторым мужем Володей. Позже я вернулась с мужем в Минск. Дочь осталась в Сибири, а сын переехал в Московскую область в город Орехово-Зуево. В 1989-90 годах в Минске для меня было очень тяжелое, голодное время. Родных не было. Очень хотелось помочь детям. Моя соседка порекомендовала мне сходить в церковь, сказав, что это принесет облегчение моей душе. Однажды я встретила дочь священника Кецко Антона, того самого священника, который приходил к нам в детский дом и молился. Бог периодически посылал своих людей на

Лидия Александровна вместе с Ольгой Глушковой
из общины «Брит Хадаша» во время праздника "Пурим"

моем жизненном пути. Галина Антоновна пригласила нас в церковь «Благодать» на праздник урожая. Это теперь я знаю, что это праздник, назначенный Богом, праздник Суккот.

По приезде в Минск я позвонила Шехтман Анне Ароновне, заведующей детским домом, в котором воспитывалась. Она, зная к какому народу я принадлежу, подсказала мне вступить в организацию бывших узников гетто. Там я получила свою первую посылку помощи от Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша» и была приглашена на встречу Шаббата, где почувствовала внимание, любовь, дружбу. Там было много детей и мне было очень интересно.

Сейчас я хожу в общину «Брит Хадаша», верю в Йешуа и очень довольна и благодарна. Участвую во всех мероприятиях, которые община проводит для бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Через слово, сказанное на шаббате мы получаем душевную поддержку и в наши израненные сердца приходит исцеление от Бога. Мы чувствуем Его заботу о нас. Мы больше узнаем о Боге, который помогает нам во всем.

XII

Свердлов Владимир Семенович

Еврейских детей (около 150 человек) они отделили от остальных и нашили нам жёлтые шестиконечные звезды... Санаторий стал детским концлагерем. У малолетних брали кровь для раненых немцев... Надзиратели сбрасывали детские трупы в реку Птичь...

Меня зовут Владимир Семенович Свердлов. Я родился в Минске 5 декабря 1930 года. С 1937 года мы жили в Рогачеве. Наша семья состояла из пяти человек: мама, отец, я, брат и бабушка. Отец был первым секретарём Рогачёвского комитета коммунистической партии. В начале войны он остался там для подпольной работы. Меня война застала в санатории «Крынки», расположенном на берегу реки Птичь недалеко от станции Дороганово. Семью эвакуировали в Татарстан, а связь с санаторием оборвалась. Тогда мне было десять с половиной лет. Персонал санатория ещё до прихода оккупантов в основном покинул его. Шестьдесят старших детей отпустили добираться до дома самостоятельно. Заведующую санаторием Раису Яковлевну фашисты сразу же расстреляли. Еврейских детей (около 150 человек) они отделили от остальных и заставили нас нашить жёлтые шестиконечные звезды на нижнюю и верхнюю одежду. Санаторий стал детским концлагерем. У малолетних брали кровь для раненых немцев. Всех нас осенью использовали на сельскохозяйственных работах. Голодные дети ели на поле сырую немытую свёклу, картошку, капусту, жёлуди – что удавалось ухватить украдкой. Зимой к голоду добавился холод. Помещение, куда нас загнали, почти не отапливалось. Многие умерли. Надзиратели сбрасывали детские трупы в реку Птичь. Нас били за малейшую провинность. Когда я сорвал с груди ненавистную жёлтую нашивку, меня жестоко избили плёткой из металлического троса. Страх и безысходность были в ту пору нашими основными чувствами. Всю зиму, падая, дети носили воду из реки в санаторий вёдрами.

Рано утром 2-го апреля 1942 года приехали полицаи и объявили: «Вас направляют в другое место. Там будет сытно и уютно». Появилась надежда, что на новом месте будет лучше. Нас построили в колонну по двое, самых маленьких посадили на телеги. Рядом со мной шёл Яша, двумя годами старше. Потом я буду всю жизнь жалеть, почему так и не

спросил его фамилию. Знал только, что он из Мозыря. К этому подростку тянулись малыши. Он как мог опекал их, побуждая других отдавать хоть что-нибудь из наших жалких крох совсем маленьким детям. Дорога пошла лесом. Яша зашептал: «Думаешь, ведут в другое место, где будет тепло, сытно и уютно? Тогда зачем конвоиры с винтовками? Нас ведут убивать!».

И до меня дошло: да, именно так! «Яша, бежим!» – «Куда мне бежать?» – вздохнул он. – Я типичный еврей. В первой же деревне схватят. Да и как я оставлю малышей? Буду с ними до конца. А ты беги. Ты на еврея не очень-то похож». И тогда я ринулся в густой сосняк напролом, натыкаясь на ветки, хлеставшие по лицу. Я уже ничего не слышал – ни выстрелов, ни криков конвоиров. Поранил ногу, но всё равно бежал, пока от изнеможения не свалился. Пролежал сутки или больше. Очнувшись, побрёл наугад. Вышел к хутору, где был хозяйственный двор. Там столкнулся с женщиной, которая сказала: «Уцякай адсюль, бо цябе заб'юць!». «Куды уцякаць?» – спросил я ее. Она сказала, чтобы я перебрался через реку, потому что там нет немцев.

«Думаешь, ведут в другое место, где будет тепло, сытно и уютно? Тогда зачем конвоиры с винтовками? Нас ведут убивать!». И до меня дошло: да, именно так! «Яша, бежим!»

С большим трудом я пробрался туда по полуразрушенному мосту. Замерзший и уставший я забрался в чей-то сарай. Почувствовал запах еды и начал соскабливать картошку со свиного корыта. Свинья подняла шум, на который пришёл хозяин с керосиновым фонарём. Жёлтую звезду Давида, которая была нашита на одежде, я сорвал, но от неё остался отпечаток, поэтому хозяин сарая сразу понял – перед ним еврейский мальчик. Я сжался от страха, но хозяин вилами сделал в сене дыру и сказал: «Залезай туда

и никуда без меня не выходи». Вскоре он вернулся. Этот человек принес мне молока и хлеба. Впервые тогда за последние девять месяцев я попробовал настоящую пищу. Он осмотрел рану и сказал, что меня надо обязательно показать лекарю, иначе я умру. Поздним вечером он отвел меня в соседнюю деревню, объяснил, где живёт лекарь, и ушёл. В темноте я перепутал дом, но хозяин сразу же стал оказывать мне помощь. Целую неделю он лечил мою ногу, смазывал заячьим и барсучьим жиром, а когда убедился, что рана не гноится, сказал: «Здесь тебе оставаться нельзя. Схватят полицаи и убьют. Уходи».

Я очень много скитался по окрестным лесам, хуторам и деревням. Обессилев от этих скитаний и голода, я снова свалился. Очнулся, когда кто-то стал меня тормошить. Когда я пришел в себя, то увидел женщину. Она накормила меня и спросила: «Хлопчик, ты чей?» Я ответил: «Ничей». Я стал просить ее не бросать меня.

Подобрала меня тогда белорусская женщина Алеся Кирилловна Звоник, мать троих детей. Она стала расспрашивать, как я оказался в лесу да ещё без сознания. Узнав мою историю, она оставила меня жить у себя. Эта женщина привела меня в свою деревню Макаричи с районным центром в Старых Дорогах Могилёвской области и выдавала за дальнего родственника. Моей спасительнице было 36 лет. Она носила на голове несколько тёплых платков из-за постоянно мучивших её мигреней. Поэтому я называл её «баба Алеся». Она заботилась обо мне, промывала мне рану, перевязывала, лечила травами и снадобьями, подкармливала, чем только могла, отдавая лучшее. Как только я немного окреп, то стал помогать по хозяйству: носил из колодца воду, колол дрова, плёл лапти, жал рожь, вязал снопы, копал картошку, а когда баба Алеся пряла, резал для освещения лучину. Когда в деревню приходили немцы или полицаи, то меня прятали в погребах или отправляли в лес. Я думаю, что жители

деревни догадывались, что я еврейский мальчик, но меня никто не выдал.

Пока я жил у моей спасительницы, я не терял надежды найти своих родителей.

В 1944 году я побывал на месте родительского дома и поспрашивал там местных жителей. Но о судьбе моей семьи никто не знал. Тогда же я нашел место захоронения погибших в санатории «Крынки» детей. Санаторий был сожжён и документов не осталось.

С июня 1944 года я скитался по всей Беларуси с целью поступления в школу ПФЗО, но из-за отсутствия документов меня не могли взять на обучение. Наконец, уехав в Западную Белоруссию, я попал к зажиточной польке на работу. К тому времени мне было 16 лет. Пришёл как-то на хутор участковый и сказал, что слышал о том, какой я работящий, как хвалят меня соседи, и поинтересовался, почему у такого парня нет

Отец Владимира Семеновича – Семен Свердлов
возле землянки партизанского госпиталя в лесу

документов. Я рассказал ему свою историю. И он посоветовал мне идти в милицию в том городе, где работал мой отец. Участковый сказал: «Если твой отец был первым секретарём, его кто-то обязательно должен знать!». По его рекомендации я вернулся в Рогачёв в 1947 году и пошёл в милицию. Начал рассказывать начальнику свою историю, не называя имени. И вдруг милиционер, сидевший за соседним столом, подошел и спросил: «Ты Вова?» Я ответил: «Дяденька, откуда вы знаете, как меня зовут?», на что он сказал: «Твой отец жив и третий год ищет тебя! Мы воевали вместе».

...милиционер, сидевший за соседним столом подошел и спросил: «Ты Вова?» Я ответил: «Дяденька, откуда вы знаете, как меня зовут?», на что он сказал: «Твой отец жив и третий год ищет тебя! Мы воевали вместе».

Тогда отец жил в Березино и подавал обо мне запросы много раз. Ему говорили, что в Крынках все дети были расстреляны и я погиб.

До поселка Березино я добирался трое суток. Отец едва не задушил меня в объятиях, а мать будто окаменела: не могла полчаса ни двигаться, ни говорить.

Жизнь постепенно налаживалась.

Я окончил школу фабрично-заводского обучения, стал электрогазосварщиком, а позже, после армии – кузнецом. Я сам попросился в армию, но брать не хотели – был слишком мелким и тощим.

Но я настоял на своем. Четыре года служил на Сахалине. За год службы вырос сразу на четыре размера и уже ничем не напоминал того худющего мальчишку, которого нашла в лесу баба Алеся. Я всегда считал ее своей второй матерью, а ее дочерей – сестрами. Я мечтал познакомить ее с родителями. Отец мой уже сильно болел в ту пору, и она уже болела, но я успел. Я поехал за отцом, привез его

из Рогачева, потом привез бабу Алесю из Макаричей. В ту ночь никто в доме так и не лег спать. Отец все благодарил ее за сына. Но она, женщина скромная, своей заслуги в этом не видела.

Тогда у меня уже была своя семья, но я не забывал свою спасительницу, старался помочь: сделал в ее доме электропроводку, перекрыл крышу, где надо, подправлял, ремонтировал, привозил, что считал для нее не лишним.

Во время службы на острове Сахалин 1951-1954 годы

Семья Владимира Семеновича.
Отец Семен 1903 г.р.,сестра Светлана 1946 г.р., мама Броня 1906 г.р.

Владимир Свердлов
с супругой Марией 1936 г.р.

Я освоил несколько рабочих специальностей и стал специалистом высокого класса. Ко мне обращались разные люди, в том числе и священники с просьбой выковать золотой крест для той или иной церкви. Свою работу я выполнял мастерски и всегда помнил, что меня спасла христианка. Я выковал золотые кресты для многих храмов Беларуси. Выполняя свою работу, я каждый раз как бы вкладывал частицу своей души, понимая, что есть нечто общее между иудаизмом и христианством. И роднит их, по моему убеждению, не что иное, как человечность, сострадание, жертвенность. Перед уходом на пенсию я работал в художественных мастерских мастером по металлу.

Узнав, что людям, спасавшим евреев во время Второй мировой войны, присваивают в Израиле звание «Праведник народов мира», я стал добиваться его и для своей спасительницы. В 1989 году она умерла. Но это меня не оста-

новило, хотя подтвердить факт своего спасения стало ещё труднее. К тому же никаких документальных свидетельств о моем пребывании в детском санатории не сохранилось. Возникали вопросы: как мальчик из Рогачёва оказался в деревне Макаричи, почему он не эвакуировался со своей семьёй в Татарстан, а оказался на оккупированной территории, как еврейскому мальчику удалось выжить и многие другие. Помогла тогдашний директор Музея истории и культуры евреев Беларуси Инна Герасимова. После упорных поисков удалось собрать необходимые доказательства, и в 2004 году Алесе Кирилловне Звоник посмертно было присвоено звание «Праведник народов мира».

И ещё один долг всей жизни постоянно тревожил мою душу – это долг памяти о расстрелянных еврейских

Мария и Владимир Свердловы с сыном Василием.1956 г.р.

детях. Как её увековечить? Уже открылись жуткие подробности той казни недалеко от деревни Крынки. Оказывается, заранее была вырыта глубокая яма, к которой подводили по семь–восемь человек, сталкивали их туда, а потом сверху расстреливали. Малышей прямо с телеги сбрасывали в груду окровавленных тел. Снова и снова память возвращала меня к Яше. Если бы не он, не ходить бы мне по белу свету. А двенадцатилетний Яша из белорусского города Мозыря остался с малышами до конца, как бы повторив своей жизнью и смертью всемирно известный подвиг Януша Корчака – варшавского педагога, врача и писателя.

Я решил, что на месте гибели детей обязательно должен быть установлен памятник. В Осиповичах работники райисполкома, к которым я обратился в первую очередь, сочувствовали, понимали, но помочь не могли из-за отсутствия денег в районном бюджете. Просто не предусма-

Мария и Владимир Свердловы

тривались средства на такие цели. Но райисполком помог техникой (трактор, подъемный кран). Я стал откладывать деньги из своей скромной пенсии.

Наконец памятник был открыт. Это произошло 27 октября 2006 года. Место казни детей в лесном урочище Галны (Гаюны) отмечено большим валуном, чёрной плитой с надписью на идише и белорусском: «Памяти 84 еврейских детей из детского санатория «Крынки», расстрелянных фашистами в апреле 1942 года». Так воплотилась в жизнь вторая моя большая мечта.

После открытия этого памятника несколько лет спустя был установлен и памятник расстрелянным евреям Дороганово.

Откликнулись благотворительные фонды Майкла и Даяны Лазарус (Великобритания), Майлса и Мерелин Клеттер (США), Уорена и Беперли Гейслер (США). Значительную часть средств внесли Регина Эпштейн, чей дед был расстрелян гитлеровцами, и её сын Илья Машанский.

Также на основе моего монолога-исповеди был создан документальный фильм «А ведь это было». Режиссёром и оператором стал Лев Слобин при участии Инны Герасимовой.

Некоторые люди и теперь не совсем понимают, почему бывший еврейский узник гетто так много времени и сил отдаёт христианской вере, почему всегда, когда его об этом просили, не отказывал людям, ковал кресты на купола храмов. Да потому, что, по моему глубокому убеждению, человеческие ценности у евреев и христиан-белорусов одни и те же. Я даже не сомневаюсь, что именно через простых людей Бог спасал меня много раз. Даже то, что как бы совершенно случайно после войны нашлись живыми мои родители, что встретилась в молодости на моем пути чудесная девушка Мария, с которой мы душа в душу живём уже больше шестидесяти лет, – все это не просто случайности. Это Божья воля,

Владимир Семенович рядом с памятником на месте расстрела еврейских детей из детского санатория «Крынки»

Слева направо: Джесси из США, Владимир и Мария Свердловы, вместе с Юлией Клименковой из общины «Брит Хадаша»

и воплощается она через добрых людей, какой бы веры они ни были. Вопреки известному высказыванию, я считаю, что не красота, а добро спасёт мир, потому что быть внешне красивым не каждому дано, а быть добрым – выбор абсолютно каждого человека.

Более десяти лет назад мы вместе с женой подружились со Стюартом и Шанталь Виноград – основателями Мессианской еврейской общины «Брит Хадаша» и другими членами общины. С тех пор мы не только с благодарностью принимаем благотворительную помощь от общины, но и поддерживаем материально и духовно строительство первого в Беларуси мессианского еврейского центра. Несмотря на проблемы со здоровьем, я приходил на стройку, которая началась летом 2018 года. Я наблюдаю за строительством и уверен, что это благое дело завершится успехом, потому что слишком много людей в нашей стране и во всём мире хотят быть вместе с Богом и друг с другом!

Владимир Семенович ушел к Небесному Отцу 30 апреля 2021 г.

Эпилог и послесловие Стюарта и Шанталь Виноград

Наша дружба со многими бывшими узниками гетто и нацистских концлагерей – это то, что мы считаем поистине одной из величайших привилегий в своей жизни. У этих драгоценных людей, которые вынесли столько страданий и пережили столько ненависти, можно многому научиться. Они обогатили наши жизни. Для нас большая радость помогать им восстанавливать свою еврейскую сущность, познавать Бога, ежедневно оказывать практическую помощь и просто быть рядом.

В то же время нам было трудно пропускать через себя тот ужас и страдания, которые пережили наши друзья.

Я, Стюарт, помню, что, когда мы готовились переехать в Беларусь, мысленно настраивался на то, что нам предстоит встретиться с людьми, которые выжили в худших событиях мировой истории. Посмотрев фильм Спилберга «Список Шиндлера», который вышел незадолго до этого, и увидев на экране выворачивающее наизнанку отображение того, как в реальности выглядел Холокост, у меня начался кризис веры. Зная, что Беларусь была потрясена событиями Холокоста, я задался двумя вопросами: «Почему Бог допустил Холокост?» и «Как я могу говорить о любви Бога с моим еврейским народом, претерпевшим эти ужасы?»

Это была настоящая внутренняя борьба. Однако я пришел к заключению, что, хотя я и не мог понять всего в жизни и того, как Бог действует в ответ на все трагедии

и несправедливость в человеческой истории (да и кто может это понять!?), я мог идти вперед с тем, что я знал, то есть основываясь на том, что говорит Писание и на моем личном опыте хождения с Богом в течение восемнадцати лет. В течение этих лет я старался следовать пути, который показал и которому учил на своем примере Мессия Йешуа – пути жертвенной любви. В моем сердце и разуме была уверенность, что Бог добрый и любящий и, несмотря на все зло и беды, которые существуют в мире, Он никогда не был автором зла.

За последние двадцать шесть лет многие из наших друзей, которые пережили Холокост, задавали похожие вопросы: «Действительно ли Бог существует?», «Как Он мог допустить Холокост?», «Добрый ли Он тогда?». Каждый раз, когда мы встречались лицом к лицу с людьми, пережившими Холокост, которые задают эти вопросы, мы видели искреннее желание понять сложные события того времени. Тяжесть и глубокая боль, скрывающиеся за этими вопросами, всегда потрясают нас и пробуждают внутри глубокое сострадание к нашим друзьям, которое объясняется только Божьей любовью, живущей в наших сердцах.

Я думаю, мы все можем согласиться, что по эту сторону бытия невозможно понять всего, что связано с историей человечества. И поэтому я всегда с готовностью признаю, что мы не можем дать исчерпывающие ответы на эти вопросы. И никто не может! Тем не менее, я пытаюсь ответить, полагаясь на свое понимание Бога и людей.

Когда люди, пережившие Холокост, задают такие тяжелые вопросы, часто ясно понимаешь, что у них есть глубокое желание, несмотря на все, что они вынесли, поверить, что Бог есть и Он действительно добр.

Я объясняю, что Библия учит о доброй и любящей природе Бога, а также о том, как Бог хочет, чтобы люди относились друг ко другу. В Танахе и Брит Хадаше Бог наставляет

людей любить ближнего так, как мы любим себя, относиться к другим так, как мы хотели бы, чтобы относились к нам. Однако Он также дал человечеству свободу воли. К сожалению, многие люди используют эту свободу, чтобы совершать зло и игнорировать Божьи заповеди и наставления. Я объясняю, что злые люди решили восстать против Бога и Его путей, и это стало причиной Холокоста. Наш Создатель дал нам свободу выбирать между добром и злом, и некоторые из нас выбирают быть милосердными, любящими и добрыми, в то время как другие выбирают совершать невообразимое зло, такое как Холокост.

> *«Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё».*
>
> *Второзаконие*
> *30 глава, стих 15 и 19 (вторая часть).*

Я также считаю полезным поделиться тем, как я понимаю удивительные и откровенные слова Йешуа, записанные в книге от Матфея:

> *«Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?»*

И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Евангелие от Матфея
25 глава, стихи 34-40

Здесь раскрывается тайна, которая показывает, что когда мы делаем добро другим, мы делаем добро и Мессии. Обратное тоже верно: всякий раз, когда мы скрываем добро от других или делаем зло другим, мы делаем то же и по отношению к Мессии. Итак, мы можем сделать вывод, что, когда мы страдаем от зла, Мессия Йешуа страдает вместе с нами.

Еще один поучительный отрывок из Библии – это слова о Мессии, записанные еврейским пророком Исайей более чем за 700 лет до рождения Йешуа.

«Но Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились».

Исаия, 53 глава, стихи 4-5

Теперь соедините все вышесказанное с этими пророческими словами из книги пророка Исайи, в которых говорится, что любовь Бога ко всем людям побудила Его отдать Мессию Йешуа, чтобы Он страдал вместе с нами и за нас, а также в жертву искупления за наши грехи, чтобы мы могли быть в общении с Богом вечно.

На протяжении многих лет мы заглядывали во множество наполненных болью и непониманием глаз, пытаясь утешить и дать некоторые ответы тем, кто пережил столько зла. Со всем милосердием, которое Господь дает нам, мы обычно завершаем свой ответ такими словами: «Мы верим,

что Мессия Йешуа хочет, чтобы вы знали, что Он был рядом с вами в ваших страданиях во время Холокоста. Он и сейчас с вами, и, поскольку Он очень любит вас, Он хочет быть с вами навсегда, в вечности».

Мы с Шанталь были глубоко тронуты тем, что очень часто Дух Божий приносил утешение их душам после такого разговора. Судить об этом можно было по тому, как менялось выражение их лиц, по тем словам, которые мы слышали от них в конце встреч.

Мы искренне желаем и молимся о том, чтобы в эти дни, пока они все еще с нами, как можно больше других людей, выживших в Холокосте, обрели глубокое внутреннее исцеление и утешение с Небес, которые могут прийти только с принятием любви Бога и Доброй Вести о Йешуа.

Как вы понимаете, большинство выживших в Холокосте сражаются с верой и трудными вопросами, связанными с добротой Бога. Эли Визель (бывший узник Освенцима) описывает Освенцим как место, где нацисты убили его веру:

«Я никогда не забуду ту ночь, первую ночь в лагере, которая превратила мою жизнь в одну долгую ночь... никогда не забуду этот дым. Никогда не забуду маленьких лиц детей, чьи тела превратились в клубы дыма под безмолвным голубым небом. Никогда я не забуду то пламя, которое навсегда поглотило мою веру... Никогда я не забуду те моменты, которые убили моего Бога».

Ужасы Холокоста «убили» во многих выживших веру в Бога и человечество. Но Божья любовь, излитая в их сердца через Мессию Йешуа, принесла некоторое утешение и восстановление их измученным душам, о чем свидетельствуют удивительные истории исцеления и искупления, задокументированные нами в этой книге. Мы – свидетели того факта, что любовь Йешуа, которая проявляется через жизнь простых людей, любящих и служащих Ему, – это сила, преобразующая жизни!

Мы так благодарны
за честь и привилегию
быть частью жизни людей,
переживших Холокост,
и быть участниками их духовного поиска.

Стюарт Виноград
Шанталь Виноград
2021 год

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Люди, с которыми вы познакомились на страницах этой книги, – невероятно сильные, пережившие много ужаса, но при этом они – одни из самых добросердечных людей, которых вы когда-либо можете встретить. Они сохраняют позитивное настроение, несмотря на все, что им пришлось выстрадать. Поистине удивительные люди! Очень долго нашим желанием было увидеть наконец, что их истории будут рассказаны другим.

Истории в этой книге – это глубоко личные и уникальные истории о том, как пережившие Холокост обрели своего еврейского Мессию. Эта встреча с Йешуа принесла в их сердца утешение и шалом.

Мы постоянно искали, как и чем мы можем им служить. Те, кто пережил Холокост, невероятно обогатили наши жизни. Для нас большая честь поделиться их историями с вами.

Мы понимаем, что эти истории человеческой жестокости к своему ближнему и страдания невинных еврейских детей, мужчин и женщин было нелегко читать. Возможно, в процессе чтения историй людей, судьбы которых были переполненных бедами, страданиями и утратами, у вас наворачивались слезы. Возможно, вы чувствовали злость или ужас, узнав о зверском и безжалостном отношении, которому подверглись евреи и другие жертвы нацистов.

Многим выжившим тяжело рассказывать свои истории. Очень непросто возвращаться к прошлому, потому что

приходится заново переживать травму своей юности. Но они это сделали, чтобы мир узнал правду и для того, чтобы почтить память своих любимых и близких, их спасителей, а также память шести миллионов невинных евреев, которые погибли во время Холокоста.

Что мы можем вынести для себя из этих тяжелых историй? Какая может быть польза от переживания и воспоминания о такой травме и трагедии? Как мы должны реагировать на свидетельства такого зла и ненависти?

Есть три пути. Первый – мы можем задавать вопросы. Мы можем отчаянно пытаться понять, почему и как такое могло произойти. Такая реакция оправдана и понятна.

Однако есть и другой путь. Выдающийся равви и философ Йосеф Соловейчик, белорусский еврей, который иммигрировал в США буквально за пару лет до того, как нацисты заполонили его страну, написал о двух вариантах нашей реакции на Холокост и любое другое возможное зло. Мы можем реагировать пассивно, то есть мы будем только задаваться вопросом вроде: «Почему такое произошло?». Или мы можем реагировать активно и задаваться таким вопросом: «Раз уж это произошло, то как мне действовать? Что я могу сделать?». Равви Соловейчик осознавал, что вторая реакция была лучшей. И мы согласны с этим. Бывшие узники гетто и нацистских концлагерей рассказали нам свои истории, чтобы мы могли извлечь из них уроки; некоторые написали книги, другие служат лидерами организации «Ассоциация евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей», оказывая заботу своим друзьям, бывшим узникам. Мы оставили свою устроенную жизнь в США, чтобы отдать дань уважения и служить им, и издали эту книгу, чтобы помочь сохранить их истории. Мы выбираем действовать в ответ на зло, которое было совершено.

Теперь, услышав эти истории, у вас также есть выбор как реагировать. Как вы поступите? Самым замечательным откли-

ком с вашей стороны будет принять твердое решение никогда не позволять себе быть равнодушными ко злу и к страданиям!

Равнодушие – это третий выбор, когда человек сталкивается с таким злом, как Холокост. Если бы только больше людей отказалось быть равнодушными в те мрачные дни, кто знает, что бы произошло!

Всемирно известный писатель, выживший в Холокосте, Эли Визель высказался таким образом: «Я поклялся никогда не молчать, когда бы и где бы люди не переживали страдания и унижения. Молчание воодушевляет истязателя, но не истязуемого».

Сегодня мы видим, как в мире вновь поднимается антисемитизм.

Мы видим, как увеличивается число нападений как на еврейские сообщества, так и на отдельных людей. Мы видим нечестные и ложные обвинения, выдвинутые против Израиля – единственного еврейского государства в мире. Мы видим, как другие меньшинства очерняют евреев, угрожают им и атакуют их. И мы видим подлые попытки отрицать то, что ужас Холокоста когда-либо был!

Наши друзья рассказали свои истории в надежде, что подобные злые деяния никогда больше не повторятся. Их жизненные истории напоминают нам об опасности молчания и безразличия ко злу.

«Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист.

Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ.

Потом они пришли за членами профсоюза, я молчал, я же не член профсоюза.

Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей.

А потом они пришли за мной и уже не было никого, кто бы мог протестовать».

Пастор Мартин Нимёллер

Эти слова были написаны немецким пастором, который поддерживал нацистский режим на этапе его восхождения к власти. Лишь когда все было захвачено нацистами, он начал противостоять их программе, полной убийств и ненависти. Но их было уже не остановить. Вместе с другими пасторами, священниками и обычными людьми, которые посмели поднять свой голос против фашистов он в итоге оказался в концентрационном лагере Дахау, наряду с евреями, коммунистами и многими другими, к чьим страданиям он прежде был равнодушен.

Еще один известный человек, выживший в Холокосте, – Симон Визенталь – выразил суть этого же урока такими словами: «Единственное, что нужно для триумфа зла – это то, чтобы хорошие люди ничего не делали».

Автор Послания к Евреям в Брит Хадаше (Новом Завете) воодушевляет нас: «Всегда любите братьев... Помните о тех, кто в тюрьме, как если бы вы сами были с ними. Помните о тех, кто терпит жестокое обращение, потому что и вы пока еще на земле» (Послание к Евреям 13 глава, 1 и 3 стихи).

Йешуа – Мессия Израиля, которого в Писании также называют Царем Царей, очень ясно показал Божьи повеления относительно отношения человека к Богу и ближнему:

> *Йешуа сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» — сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.*
>
> *Матфея 22:37-40*
>
> *Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.*
>
> *Матфея 7:12*

Мудрые слова, значимость которых трудно переоценить и в наши дни. Мы верим, что вы, читающие эту книгу, тоже принимаете их в свои жизни. И мы очень надеемся, что истории наших друзей – бывших узников гетто и концлагерей – помогут вам никогда не быть равнодушными к происходящему вокруг вас; всегда стоять за справедливость, против антисемитизма, также как и против всех форм предубеждений, расизма и фанатизма, чтобы осуществилась их мечта и описанные ужасы никогда больше не повторились. Сталкиваясь со злом, давайте делать выбор действовать с состраданием и молитвой, высоко подняв знамена Божьей любви, истины и правосудия!

НИКОГДА БОЛЬШЕ!

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение 3

Вступление 4

Благодарность 5

Пролог 8

Истории:

I. Гуревич Лев Семенович II

II. Обоз Зоя Яковлевна 23

III. Левин Яков Лазаревич 33

IV. Кравец Лев Абрамович 53

V. Есилевич Иосиф Ефимович 63

VI. Каим Лариса Григорьевна 7I

VII. Бугаева Елена Михайловна 83

VIII. Мысов Александр Георгиевич 89

IX. Наймарк Раиса Самуиловна 97

X. Дикушин Анатолий Михайлович I03

XI. Петрова Лидия Александровна I09

XII. Свердлов Владимир Семенович II5

Эпилог I28

Послесловие I34

Стюарт и **Шанталь Виноград** поженились в августе 1979 года. У них четверо замечательных детей и 11 любимых внуков.

Стюарт вырос в светской еврейской семье в Нью-Йорке. Его предки со стороны отца и матери – евреи-ашкенази из разных мест Буковины, Австрии, Польши и Беларуси. В позднем подростковом возрасте у него появилось желание понять, в чем заключается смысл жизни. И в 25 лет Стюарт нашел ответ там, где не ожидал, — в Библии и силе воскресения Йешуа (Иисуса), обещанного Мессии Израиля.

Шанталь выросла в нееврейской светской семье в Канаде, Монреале. Она познакомилась с принципом личных отношений с Йешуа, когда встретила Стюарта в 1979 году. Через её личные отношения с Ним, Йешуа дал ей огромную любовь и признательность к еврейскому народу, дал сердце Руфи, чья история записана в Библии. Еврейский народ стал её народом точно так же, как Бог Израиля (который есть Бог всего) стал её Богом.

Стюарт и Шанталь переехали в Беларусь со своими четырьмя детьми, получив призвание и поручение от Бога — помочь в восстановлении библейской духовности еврейского народа и народа всей Беларуси. Они жили в Беларуси с 1995 по 2007 год, усердно служа Богу и ища Его воли в послушании и терпении. За это время как результат их труда открылись 4 мессианские еврейские общины в разных городах Беларуси, программа «Утешение для переживших Холокост», о которой написано в этой книге; программа «Сострадание к сиротам», детский лагерь « Халюцим» и другие. На момент издания этой книги они продолжают руководить, вдохновлять и направлять эту работу в Беларуси и регулярно посещают страну.

Чтобы связаться со Стюартом и Шанталь, пожалуйста, пишите на email: stewart428@icloud.com

ИСТОРИИ О НЕПОСТИЖИМЫХ СТРАДАНИЯХ, НО ТАКЖЕ О МУЖЕСТВЕ, НАДЕЖДЕ И ИСКУПЛЕНИИ

Книга «...И СВЕТ СВЕЧИ НЕ ГАСНЕТ...» представляет собой биографическую хронику историй двенадцати человек, которые были детьми и подростками, когда Беларусь подверглась нападению нацистов. Их спокойная и размеренная жизнь в процветающих ашкеназских еврейских общинах за одну ночь превратилась в сущий ад Холокоста. Их воспоминания о беззаботном детстве сменились ужасами нацистской оккупации, которые сопровождались страшными испытаниями, лишениями, голодом в гетто, бегством и скитаниями по лесам и непреодолимой скорбью о потере многих своих родных и близких.

Некоторые из этих детей выжили благодаря доброте, смелости и риску, на который шли белорусы, чтобы спасти их. Другие убежали из гетто и присоединились к боевым партизанским отрядам, а некоторые отважно не раз рисковали своей жизнью, возвращаясь в гетто, чтобы спасти членов своих семей и других людей.

Из этих историй читатели откроют для себя удивительные лучи надежды и искупительной работы Мессии Израиля даже после величайших страданий и потерь.

Эти истории собраны и опубликованы благодаря инициативе Стюарта и Шанталь Виноград. Один ужин в канун субботы (шаббата) с небольшой группой выживших в Холокосте людей стал началом более чем двадцатилетней дружбы, которая крепчала по мере того, как жизни семьи Виноград всё более тесно переплетались с жизнями десятков бывших узников гетто...

Настоящая книга была составлена для того,чтобы почтить некоторых из их самых дорогих друзей.